

ГЕОРГИЙ ВАЙНЕР

УМНОЖАЮЩИЙ
ПЕЧАЛЬ

PREMIUM

ДИВИЗИОН

Георгий Вайнер

Умножающий печаль

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Вайнер Г. А.

Умножающий печаль / Г. А. Вайнер — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Дивизион)

ISBN 978-5-389-22193-2

Знаменитые братья Вайнеры, авторы культовой книги «Место встречи изменить нельзя», иногда писали и поодиночке — и ничуть не хуже! Роман «Умножающий печаль» Георгия Вайнера посвящен теме больших, очень больших денег. Деньги — доллары, рубли, марки, франки — волшебная живая сила, прибывающая и тающая по своим законам, в девяностые годы пришли в постсоветскую Россию. В борьбу за них включились умные, сильные и азартные игроки. Но остается ли в их жизни важным что-то еще? Давняя дружба, например? Ставки все время растут, и вот в кризисном 1998 году сотрудник Интерпола Сергей Ордынцев пытается не позволить одному своему школьному другу убить другого, и уже почти невозможно разобраться, на чьей стороне правда и кто по-настоящему опасен. По мотивам романа снят одноименный сериал 2005 года.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-22193-2

© Вайнер Г. А., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Георгий Вайнер

Умножающий печаль

© Г. А. Вайнер (наследники), 2003

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

* * *

*Во многой мудрости
много печали;
и кто умножает познания,
умножает скорбь.*

Екклесиаст

*По законам нынешней жизни,
если в первом акте на стене висит
ружьё, значит до начала спектакля
из него уже кого-то застрелили.*

Милицейский взгляд на чеховский театр

Сергей Ордынцев: Экстрадиция

– Ты очень хитрый парень, – сказал Пит Флэнаган, повернул руль налево, и мы покатали в сторону Трокадеро.

Спорить с ним бессмысленно, как забивать лбом гвозди. Да и вообще разговаривать неохота. Жестяной пузырь машины был заполнен щемящей золотой песней саксофона Птицы Чарли Паркера, протяжной, сладкой, плотной, как облако из сливочного мороженого.

Через окно я рассматривал скачущее отражение нашей машины в зеркальных витринах – черный юркий «ситроен» с проблесковым синим фонарем на крыше. Его тревожный пульсирующий свет был неуместен в этом мягком воскресном утре, еще не увядшем от подступающей жары, от потной людской суеты, не задушенном синеватым угаром автомобильного дыма.

– Я не хитрый, – ответил я Флэнагану, когда мы выскочили на набережную и погнались по правому берегу. – Я задумчивый. По-русски это называется «мудак»...

– Правда? – переспросил на всякий случай Пит, хотя ему было все равно.

– Абсолютно, – заверил я серьезно. – Так и запомни: захочешь русскому сказать приятное, смело говори: вы, мол, месье, мудак... Это русский эвфемизм понятия «доброжелательный задумчивый мудрец».

– Запомню, – пообещал Флэнаган и повторил вслух: – Мьюдэк...

– Во-во! Так и говори...

Слева над рекой торчала Эйфелева башня, на которой полыхало неживыми белыми сполохами электрическое табло – «До 2000 года осталось 534 дня».

И что? Что теперь делать?

Воздетый в безоблачное голубое небо, фигурно скрученный железный перст торжественно и грозно предупреждал ни о чем – если бы там, в туманном небытии, через 534 дня

должно было что-то случиться, от нас бы это тщательно скрыли. Мы живем в замечательное время, когда никого ни о чем заранее не предупреждают. А раньше нешто предупреждали? Разве что пророки о чем-то жалобно просили народы. Да кто же их когда слушал? Интернета тогда на нашу голову не было.

– Пит, ты знаешь, что через пятьсот тридцать четыре дня наступит новый век? – спросил я Флэнагана.

– А ты что, считал их? – усмехнулся Пит.

– Нет, я в управлении разведки подсмотрел секретный доклад – они предполагают, что это достоверная цифра. Ну, может быть, пятьсот тридцать шесть... Это ведь никогда до конца не ясно...

– Угу, – кивнул серьезно Флэнаган. – Скорее бы...

– А что случится?

– На пенсию можно будет уйти. Надоела мне наша собачья работа, – равнодушно сказал Пит.

– Да брось ты! Всякая работа – собачья. Не собачий только отдых, – глубокомысленно заметил я. – Но отдыхать все время нельзя.

– Это почему еще? – искренне удивился Пит.

– Отдых превратится в работу. Будешь мне жаловаться: надоел мне этот собачий отдых...

– Дурачок ты, – усмехнулся Пит. – Молодой еще...

Мы уже проехали Дефанс, миновали громаду Большого стадиона, сквозанули на оторут 9 – в сторону аэропорта Шарля де Голля. И от этой утренней воскресной пустоты, от желто-голубого света, окутывающего город золотистой дымкой, от печально-сладкой музыки Чарли Паркера, от никнувшей малахитовой зелени бульваров охватывало меня чувство щемящей грусти, смутного ощущения прощания, разлуки надолго, может быть, навсегда.

– Что будешь на пенсии делать, Пит?

– Жена присмотрела домик в Провансе. Там и оседем, наверное...

– А домой, в Шотландию, не тянет?

Флэнаган пожал плечами:

– Там уже нет моего дома... Там – скромный риэл-эстейт. Старики умерли, ребята выросли, разъехались. Приятелей встречу на улице – не узнаю...

– Тогда покупай в Провансе, – разрешил я. – Буду к тебе наезжать, съездим в Грасс, там дом Бунина...

– Какой-нибудь новый русский?

– Нет, это очень старый русский...

– Богатый? – поинтересовался Пит.

– Умер в нищете.

– Странно, – покачал головой Пит. – Я не видел во Франции бедных русских.

– Оглянись вокруг. Вот я, например...

– Потому что ты – доброжелательный мудрец, задумчивый мьюдэк, – утешил Пит.

– Вот это ты очень правильно заметил, – охотно подтвердил я.

Город уплывал вместе с волшебной мелодией Паркера, которую почти совсем задушил, измял, стер тяжелый басовитый рык турбин взлетающих и садящихся самолетов. Индустриально-трущобная пустыня предместья, нахально рядящаяся под пригород Парижа.

– Я хочу рассказать тебе смешную историю, Пит...

Флэнаган, не отрывая взгляда от дороги, благодушно кивнул, наверное, сказал про себя по-английски: мол, валяй, мели, Емеля...

– Я в школе ненавидел учебу...

– Да, ты мало похож на мальчика-отличника, – сразу согласился Пит.

– На всех уроках я читал... Закладывал под крышку парты книгу – и насквозь с первого урока до последнего звонка. У меня не хватало времени даже хулиганить.

– Много упустил в жизни интересного, – заметил Флэнаган.

– Наверное. Я был заклятый позорный троечник – я никогда не делал домашних заданий и отвечал только то, что краем уха услышал на занятиях, читая под партой книгу. На родительских собраниях классная руководительница Ираида Никифоровна...

– Только у поляков такие же невыносимые имена, как у вас, – сказал Флэнаган.

– Не перебивай! Моя классная руководительница говорила маме: у вас мальчик неплохой, но очень тупой. Тупой он у вас! Тупой...

– Dumb? – переспросил Пит.

– Yes! Dumb, bone head – костяная голова, тупой!

Флэнаган захохотал.

– Вот ты, дубина, смеешься, а мама, бедная, плакала. Спрашивала растерянно учительницу: почему? Почему вы говорите, что он такой тупой? А Ираида Никифоровна ей твердо отвечала: это у вас с мужем надо спрашивать, почему у вас сын такой тупой!

Флэнаган взял со щитка голубенькую пачку «Житан», ловко выщелкнул сигарету, прикурил. Прищурившись, выпустил тонкую, острую струю дыма, покачал головой и сказал решительно:

– Это невеселая история, она мне не нравится...

– У вас, шотландцев, ослаблено чувство юмора...

Машина начала с мягким рокотом взбираться на спиральный подъездной пандус аэропорта.

– Это веселая история, – упрямо сказал я.

– Наверное, у вас, русских, действительно усилено чувство юмора, – пожал плечами Флэнаган.

– Ага! Как рессоры на вездеходе. Иначе не доедешь...

– По-моему, доехали, – сказал Пит, притормаживая у служебного входа.

Я взял с заднего сиденья свою сумку и повернулся к Флэнагану:

– Я рассказал тебе веселую историю. И для меня важную...

– Почему?

– Одна знакомая встретила недавно эту учительницу – Ираиду Никифоровну. Двадцать лет прошло – она старая стала, сентиментальная, все расспрашивала о наших ребятах, у кого что получилось, как жизнь сложилась. И моя знакомая по дурости сказала, что самая яркая, неожиданная судьба вышла у меня. Классная руководительница послушала ее, послушала обо всех моих прыжках и ужимках, вздохнула и подвела итог: «Как все-таки несправедлива жизнь. Ведь такой тупой мальчик был!»

Флэнаган открыл бардачок, достал плоскую фляжку и протянул мне:

– Возьми... Может, пригодится, это хороший деревенский бренди.

– Спасибо, друг...

Я приспособил фляжку в кармане куртки, хлопнул Пита по плечу и вылез из машины. Он наклонился к двери, опустил стекло и сказал:

– Это была невеселая история...

– Нет, это была веселая история, Пит. Просто мы с тобой догадались, что старая карга была права... Пока, дружище! – махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел в аэровокзал.

«Ситроен» с резиновым колесным визгом погнался прочь, беззвучно разъехались стеклянные двери передо мной, и я вошел внутрь праздника.

Удивительное гульбище, полное света, музыки, вкусных запахов, веселой и тревожной беготни, экзотических пассажиров – каких-то полуодетых ликующих негров и растерянных заблудившихся шикарных господ. Я вошел в атмосферу звонкого и чуть испуганного ожидания

смены воздушной и земной стихий, мелькания реклам, внушительной зовущей неподвижности огромных билбордов, восторженного удивления от нескончаемого путешествия в прозрачных трубах стеклянных эскалаторов. А закончился праздник у дверей полицейского офиса, где усатый жандарм в опереточной форме спросил меня вполне драматическим тоном:

– Что вам угодно, месье?

– Я – старший офицер Интерпола Сергей Ордынцев, – и протянул ему удостоверение.

Жандарм долго внимательно рассматривал коричневую кожаную книжечку, перевел суровый взгляд с фотографии на меня, скромного предьявителя, снова посмотрел на фото и, к моему удивлению, все-таки возвратил ксиву:

– Да, месье Ординсефф, вас уже ждут...

В офисе было полно народу – полицейские в форме, детективы в цивильном, клерки из министерства юстиции, российский консул Коля Аверин и еще четверо русских. Трое из них, несмотря на вполне приличные недорогие костюмы тайваньского или турецкого производства, мгновенно опознавались. Как русские, во-первых, и как менты – во-вторых. С толстыми буграми подмышечных кобур под пиджаками.

Русские – в смысле бывшие советские. Дело, наверное, не в национальности. Русский или татарин, вояк или еврей – мы не растворяемся в европейском людском месиве. Будто пятая человеческая раса, существуем от других наособицу и отличимы от всех иных так же явственно, как белые, черные, желтые и краснокожие народы. Вот будет для будущих антропологов и этнографов загадочка – почему? В чем генетическая разница? Настороженное выражение лица? Колющий взгляд, исподлобья, в сторону – испуганный и атакующий одновременно? Не знаю. Никто не понимает. Я узнаю земляков в толпе даже со спины. По походке? У нас особенная стать? Бомжи и миллионеры, профессора и воры, молодцы и дедушки несут в себе незримую, но отчетливую общность, которую ученые дураки из Гарварда назвали бы наследственной ментальностью зеков.

Мы все – выброшенная в мир мутация пожизненных арестантов. А, пустое! Не о чем и незачем думать. Все то, что не огонь, – то прах...

А вот четвертый русский был красавцем – настоящий валет из карточной колоды. Изящным взмахом головы откидывая назад шикарную гриву волос, молодой русский валет в пиджаке нежно-сливочного цвета, шелковой светло-голубой рубашке, широковатых элегантных трузерах, башмаках «Балли» и скромно поблескивающих на запястьях наручниках, он доброжелательно и снисходительно улыбался всем нам, суетливой толпе стрюцких.

Консул с распаренным бабьим лицом бросился мне навстречу:

– Сергей Петрович, мы уже волновались...

– Зря, – усмехнулся я и небрежно-значительно наврал: – Я никогда и никуда не опаздываю...

Поздоровался с французами, и в затхлой атмосфере полицейского участка еще долго летали, легкие и стрекочущие, как стрекозы, – «бонжур»... «коман сова?»... «рьен»... «бьен»... пока я не разрушил эту обстановку общей приятности:

– Господа, протокол экстрадиции арестованного готов. Согласны ли вы провести процедуру идентификации арестанта для передачи его российскому конвою?

– Да, французские власти завершили свою работу, – торжественно сообщил Пимашу, старший советник министерства юстиции, любезный прохвост и сука невероятная. Ведро крови из меня выцедил.

Я повернулся к красавцу-валету и попросил душевно:

– Встаньте, пожалуйста, и назовите внятно свое имя.

Роскошный валет, весь нарядно-ярко-красочный, будто только что сброшенный из новой хрусткой атласной колоды, встал и, так же любезно улыбаясь в элегантные блондинистые усики, сообщил:

– Меня зовут Смаглий Василий Никифорович, я гражданин России...

Пимашу, не понимающий по-русски и от этого особенно переживающий, что мы можем поговориться хоть и в его присутствии, но как бы в то же время за его спиной, перебил незамедлительно:

– Смаглий – это имя или фамилия?

Я постарался успокоить его:

– Смаглий – фамилия арестованного, его первое имя Василий. Это все есть в бумагах.

– Спасибо, – сказал Пимашу с озабоченным лицом, – у русских такие сложные имена.

– У поляков еще хуже, – патриотически заметил я.

А Смаглий учтиво кивнул и, глядя в упор наглыми синими глазами, молвил:

– Возвращаясь к тому месту, где этот козел меня бестактно перебил... – он кивнул в сторону старшего советника, – хочу подтвердить, что я являюсь гражданином России. Пользуясь присутствием здесь нашего консула, заявляю категорический протест в связи с моим незаконным задержанием грязной французской полицейшиной...

Смаглий сделал вдох, как певец на подъеме тона, и воздел над головой скованные наручниками длани:

– Я требую присутствия свободной прессы! Пусть она донесет из этих мрачных застенков мой гневный голос до сведения мировой прогрессивной общественности. И правозащитников из «Амнести Интернэшнл»...

– Все понял, – согласился я. – Консул Российской Федерации господин Аверин сделает соответствующую запись в протоколе экстрадиции. А в прессе я вам должен отказать.

– А почему? Боитесь? – захохотал Смаглий, как молодежь над ангелицей.

– Что он говорит? – сразу возник Пимашу. – Почему арестованный веселится?

– Арестованный не веселится. Он обсуждает со мной второстепенные процедурные вопросы, – заверил я советника юстиции и сказал арестанту: – Слушай, Смаглий, хватит дурочку по полу катать. Запомни, я ничего не боюсь. Я опасюсь...

– Чего?

– Что тебе пресса навредит только. Для тебя сейчас – чем тише, тем спокойнее. А еще я опасюсь, что ты меня держишь за дурака и тянешь резину. Надеешься опоздать на этот рейс?

– А чего спешить? – засмеялся Смаглий. – Я что, завтра в Бутырки опоздаю?

Тут очень уместно вмешался консул Аверин:

– Господин Смаглий, это рейс Аэрофлота, и пока мы вас торжественно не погрузим на борт, поверьте мне, самолет никуда не улетит.

Смаглий вздохнул и подергал свои никелированные оковы:

– Ладно, как говорили в старину – сходитесь, господа... Банкуйте, псы глоданные...

Я взял со стола протокол и стал громко, с выражением – чтобы доставить удовольствие Пимашу – читать по-французски. Коля Аверин быстро переводил на русский – для Смаглия и конвоя.

– По международному запросу Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации Интерполом был произведен в сотрудничестве с французской полицией оперативный розыск и арест российского гражданина Василия Смаглия, обвиняемого в незаконной деятельности на территории России, США, Греции, Германии и Израиля...

Смаглий перебил меня:

– Отец моего друга Зиновия Каца с детства говорил ему: «Зямка, никогда не воруй! А станет невтерпеж – не попадайся!»

– Зря вы не послушались папашу Каца, – отвлекся я на мгновение и продолжил протокольное чтение: — ...По документам, представленным российскими властями, Смаглий обвиняется в участии в организованной преступной группировке, банковских аферах, позволивших ему вместе с соучастниками похитить восемьдесят шесть миллионов долларов США, в отмывании денег, уклонении от налогов и других преступлениях...

– Ребята, имейте совесть! – возник снова Смаглий. – Хоть чуточку, обьедки какие-нибудь от Уголовного кодекса оставьте еще кому-то! А то – все мне!..

– Смаглий, не перебивай меня, добром прошу, – сказал ему негромко.

И конечно, Пимашу сразу же забухтел под руку:

– Что говорит арестованный?

– Господин Смаглий все время задает мне внепроцессуальные вопросы. Я полагаю, обсуждать их сейчас несвоевременно. Можно продолжать?

– О да, конечно!

– ...Французские власти, рассмотрев представленные документы, сочли возможным для дальнейшего детального и продуктивного следствия экстрадировать Василия Смаглия в Россию, где арестованный обвиняется в совершении наиболее значительных, базовых преступлений...

Я посмотрел в прозрачные глаза Смаглия и спросил официально:

– Вам содержание протокола понятно? Тогда поедem домой, на родину...

Смаглий кивнул, задумался и вдруг громко запел старую песню Игоря Шаферана:

– «О воздух родины – он особенный, не надышишься им...»

Я махнул на него рукой и повернулся к французам:

– Господа, арестованный Смаглий идентифицирован по имени, документам, внешности, соответствию возрасту, дактилоскопическим отпечаткам и описанию татуировок на теле. Ему объявлен состав инкриминируемых преступлений и сообщено о выдаче властям России. Прошу всех официальных лиц подписать протокол...

И пошла писать парижская губерния: сначала, естественно, французы – человек пять, потом консул Аверин, старший группы конвоя майор милиции Котов, а последним – я. И, словно дождавшись этого великого мига, радио объявило о завершении посадки на рейс «Париж – Москва».

Я спросил у старшего конвойного Котова:

– Наручники?

Милиционер достал из кармана и протянул мне наручники. Смаглий, с интересом следивший за нашими маневрами, удивился:

– Зачем? Этого мало? – Он поднял скованные руки.

Я взял у французского детектива ключ, снял со Смаглия наручники, а майор Котов ловко застегнул на запястьях Смаглия свои – наши нормальные, добротные, отечественные ручные хомуты. Я отдал французам его имущество, пояснив недоумевающему арестанту:

– Это служебный инвентарь. На его материальном учете. Надо вернуть, а то он с бухгалтерией не расплется.

– Это ж надо! – Смаглий от души расхохотался. – Вот гандоны штопаные – мелочной народ!

Я легонько похлопал его по спине:

– Понимаю, все понимаю – в твоём прикиде надо шеголять во французских браслетах. Но ты уж терпи, привыкать надо. Клифт на зоне – это тоже не «Версаче»! – И аккуратно стряхнул несуществующую пыль с лацкана его шикарного пиджака.

– Не срамись, земляк, – снисходительно усмехнулся Смаглий. – «Версаче» не употребляю. Это – «Валентино»! Почувствуйте разницу...

– Ну-у, тогда совсем другой коленкор, – серьезно согласился я.

Бесконечный сводчатый туннель, по которому горизонтальный эскалатор – движущийся тротуар – неспешно вез нашу конвойную процессию от аэровокзала к терминалу посадки в самолет. В мягком полумраке вспыхивала и гасла нескончаемая череда реклам, предлагающих нам все радости мира. Я смотрел на своих спутников – их лица от этих вспышек то ярко оза-рялись, то глухо меркли, и от этого монотонного, как бы праздничного мерцания возникало ощущение тревоги и напряжения. Я закрыл глаза и пытался вспомнить, вновь озвучить золо-тую мелодию Чарли Паркера – и не мог.

Наверное, потому, что не мог выгнать из памяти то телячье-счастливое чувство восторга, надежды, ожидания чуда, которое я испытывал на этом эскалаторе давным-давно, когда ехал на нем впервые. В обратном направлении – из самолета в аэропорт. В Париж.

А сейчас из всего этого пиршества чувств, оргии предлагаемых радостей, огромной кар-точной сдачи жизни остался у меня на руках нарядный валет в наручниках, самая младшая карта из разбросанной по столу судьбы крапленой колоды. Консул Аверин деликатно постучал меня пальцем по плечу:

– Сергей Петрович, а вы-то зачем летите?

– Понятия не имею. Замминистра телеграмму прислал – срочно прибыть...

– А вы разве подчинены Москве? – удивился Аверин.

– Нет, – ухмыльнулся я. – Но в министерстве этого не знают или не помнят. И строго приказывают.

– А вы?

– А я выполняю. Международный чиновник – работа временная...

В полупустом салоне первого класса я усадил Смаглия в предпоследнем ряду, к стенке, у иллюминатора, а сам уселся рядом, в кресле у прохода.

А тут и радиотрансляция включилась, стала рассказывать приятное:

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет «Ил-86» совершает полет по маршруту Париж – Москва на высоте десять тысяч метров. Температура за бортом минус пятьдесят шесть гра-дусов. Расчетное время прибытия в аэропорт Шереметьево – двадцать часов сорок минут по московскому времени. Табло «не курить» погасло, вы можете отстегнуть привязные ремни и откинуть спинки в удобное вам положение. Сейчас бортпроводники предложат вам напитки и обед. Желаем вам приятного полета...

Смаглий толкнул меня плечом в плечо:

– Если не снимете браслеты, я не смогу отстегнуть привязные ремни...

– Ну и что будет?

– Как что? – удивился Смаглий. – Я ведь нарушу правила Аэрофлота. А для меня нару-шать правила – боль сердечная, мука совести. Будь человеком, отомкни эту гадость, избавь от душевных страданий.

Я усмехнулся:

– Ага! Я тебя отстегну, а ты безобразничать начнешь...

– Господин криминальный начальник! Смеетесь над униженным и оскорбленным? Я что – с дуба екнулся? Под нами десять километров! Можно сказать, Маракотова бездна! Даю слово почетного потомственного миллионера! А оно, как золото, нетленно.

Я обернулся к сидящему позади нас майору Котову:

– Дай ключ...

Котов слышал наш разговор, неодобрительно покачал головой и, протягивая ключ, недо-вольно спросил:

– А если этот сраный миллионер станет выдуриваться здесь?

– Слушай, друг, долбаный по голове, мне что – жить надоело? – горячо вступил Сма-глий. – Ты пойми – я жить ужасно люблю...

– Ну да! – хмыкает Котов – То-то подсчитали, срок жизни нового русского – тридцать четыре года.

– Может быть! – согласился Смаглий. – Значит, у меня еще три года в запасе. А потом на сверхсрочную останусь...

Я расстегнул наручники, и Смаглий с облегчением затряс затекшими кистями, потом наклонился ближе ко мне и громким театральным шепотом сообщил:

– Командир, ты расскажи своему цепному... Тот умник, что считал мне короткий срок, давно умер от голода.

Я откинулся на кресле, прикрыл глаза от слепящего солнечного света. Пассажиры в правой стороне салона уже дремали, нацепив на глаза черные тряпичные очки из сувенирного бортового пакета. Мне было жутковато смотреть на них – будто компания несчастных безглазых слепцов сняла для увеселительного путешествия первый класс. Черные наглазники на безвольных, расслабленных лицах спящих людей...

Когда-то, ужасно давно, у нас выступал в университете слепой поэт Эдуард Асадов. У него были на лице вот такие черные тряпочные очки-повязки. Читал он страстно, с выражением и жестикуляцией – о весне, о зеленых листьях, о любви. Черные диски вместо глаз были неподвижны, без дна, без надежды. Как мгла направленной на тебя двустволки. Я не мог собраться, вслушаться, понять – я только смотрел в ужасные черные диски на лице.

Мои попутчики надели черные наглазники и нырнули в темноту. Может быть, во сне они видели весну, листву, баб?

Я посмотрел на их лица и решил, что скорее всего им видятся в темноте бабки...

Из кармана на спинке переднего сиденья я достал несколько ярких цветных журналов. С обложки «Коммерсантъ-Деньги» мне улыбался, осторожно и насмешливо, Сашка. Хитрый Пес. Я слышал, что он стал очень крутым. Но не настолько? Поперек обложки размашистый заголовок: «Александр Серебровский: „Олигархи нужны России!“»

Молодой человек в стильных золотых очечках смотрел на меня с выражением «я вам всем цену знаю». В школьных учебниках в таких маленьких очках с тоненькой оправой щеголяли демократы-разночинцы – полоумный Чернышевский Николай Гаврилович и Добролюбов, уж не помню, как его там по батюшке, которых зачем-то разбудил Герцен.

Я стал листать журнал, чтобы узнать, зачем нужны России олигархи, – может, они тоже кого-то собираются будить, но Смаглий сказал мне:

– Давай расскажу анекдот...

– Можно, – согласился я. – Слушай, а ты чего так веселишься? Сидеть придется крепко.

– Не факт! – уверенно ответил Смаглий. – За деньги сел, за деньги выйду... Так вот, встречает еврей нового русского...

Но досказать анекдот ему не удалось, потому что около нас остановилась стюардесса с тележкой-баром:

– Что будут пить господа? Мы предлагаем вам водку, коньяк, виски, джин, вино, шампанское...

Смаглий мгновенно отозвался:

– Красавица! Обласкай джин-тоником. С «Бифитером»...

Котов за нашей спиной от возмущения вздыбился:

– Отставить! Арестованным спиртное запрещено!

Смаглий обернулся к нему, печально покачал головой:

– Эх, майор! Не бывать тебе генералом... Мыслишь мелко, конвойно...

– Это почему?

– По кочану! И по кочерыжке! Если бы ты не залупался, не портил жизнь людям, так бы мы и летели над миром – с девочками, с семгой, пьем, жрем, пока жопа не треснет. Это же первый класс! Но ты привык к «вагонзаку» – езжай не пивши...

– Ты, что ли, запретишь? – зло вперился в него майор и встал с места.

– Я? Упаси господь! – Смаглий прижал руки к сердцу и огорченно поведал: – Устав. Устав конвойной и караульной службы. Там конвою допрежь арестантов запрещено спиртное. «Ваша служба и опасна и вредна» – помнишь такую песню?

– Трудна... – поправил Котов. – Трудна наша служба. С такими обормотами...

– Это точно! Представь морду надзирающего прокурора, когда он узнает, что меня – особо опасного! – вдрызг пьяный конвой вез. Я ведь мог захватить самолет и угнать на Занзибар...

– На Магадан! – вмешался я. – На Занзибар не выйдет, а на Магадан можешь попробовать. – И, вздохнув, сказал стюардессе: – К сожалению, здесь до противного непьющая компания. Обойдемся кока-колой и минералкой...

Стюардесса расставила на столиках стаканы, бутылки, еще раз с улыбкой взглянула на нашу непьющую компанию, пожелала приятного аппетита и покатила свою зазывно звякающую телегу обратно в буфет, за кулисы.

Котов перегнулся через спинку моего кресла, потрогал за плечо:

– Зла не хватает с этой наглой харей разговаривать...

– А ты плюнь. Не разговаривай. Поспи... Он от меня никуда не денется. Только наглазники не надевай...

Котов решил, что я опасаясь, как бы он не проглядел чего важного.

– Да нет, ничего... Я лучше похожу, разомнусь немного...

– Валяй...

Включился экран бортового телевизора – там беззвучно плясала и пела рок-группа. Я воткнул в гнездо штекер наушников – и потек печально-матовый голос Вячеслава Бутусова, «Наутилус Помпилиус». Господи, песня какая старая! Ее уже, наверное, все забыли.

...Гудбай, Америка, о-о!

Где я не буду никогда.

Прощай навсегда.

Возьми банджо, сыграй мне на прощанье...

Я достал из внутреннего кармана плоскую фляжку с деревенским бренди, которым благословил меня в дорогу Пит Флэнаган. Отвинтил неспешно пробку, налил в освободившиеся стаканы коньяк. Себе и Смаглию. Он с интересом смотрел на меня:

– Нарушаешь устав, командир?

– Я никогда не пью один. – Нюхнул пойло табачного цвета, пахнущее почему-то яблоками, и выпил.

– Замечательно! – восхитился Смаглий. – Один мой знакомый говорит, что кто пьет один – чокается с дьяволом.

– Не ври, это не твой знакомый. Это Шекспир говорил...

– Да хрен с ним! Какая разница? Не влияет. Для тебя важно, что, если не пьешь в одиночку, значит умрешь не от пьянки.

– Наверное, – кивнул я. – Не успею...

Смаглий выпил, сморщился, затем блаженно ухмыльнулся:

– Хорошо! Ох, хорошо! Коньяк – дрянь, а парень ты интересный.

– Чем?

– Халявный марочный коньяк не пьешь. Только на свои бабульки?

– Я на халяву не падаю.

– А если друзья ставят?

– Это не халява. Это, дурак, обмен любовью... Моя подружка так говорит.

– Н-да? – удивляется Смаглий. – Наверное, впрочем... Слушай, я тебе с утра хотел сказать, да все эта хива конвойная под ногами мельтешит...

– У нас с тобой от них отдельных секретов нет, – спокойно заметил я.

– Ну, это как сказать... Если бы ты так не надрылся, отлавливая меня, я бы тебя сам сыскал.

– Оказывается! – Я искренне засмеялся. – Это зачем еще?

– «...Услышу ли песню, которую запомню навсегда...» – пел Бутусов.

– Зачем! Зачем! Я ведь только сегодня понял, что ты – это ты! Что мне ТЕБЕ привет передать надо! Налей еще по стопарю, я с тобой хочу обменяться любовью.

– Интересное кино! – Я действительно удивился, но коньяк налил, закрутил пробку фляжки и убрал ее в карман. – «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало...»

Смаглий одним глотком дернул коньяк, вытер рот рукавом своего великолепного пиджака, отхлебнул минералки. Потом ровно сказал:

– Тебе привет от Кости Бойко...

Я допил свой деревенский коньяк, посидел неподвижно. Наверное, мое лицо было непроницаемо слепо, как у спящих попутчиков в черных наглазниках.

И Бутусов в рябой голубоватой линзе телевизора пел, закрыв глаза – от страха? от боли?

В терпком воздухе крикнет
Последний мой бумажный пароход...
Гудбай, Америка, о-о!..

Я медленно спросил:

– Вместе сидели?

– И сидели, – радостно подтвердил Смаглий, – и пили, и гуляли – жили, одним словом...

– Значит, ты – в Париже, а Кот – на зоне?

Смаглий грустно усмехнулся:

– Скорее наоборот. Я, считай, на зоне, а Кот – откинулся. На воле он.

– Откуда знаешь?

– Знаю, и все. – Смаглий взял с моего столика яркий журнал, показал портрет на обложке. «Александр Серебровский: „Олигархи нужны России!“». Молодой интеллигентный человек в добролюбивских очках насмешливо-осторожно улыбался мне. – Это ведь тоже твой друбан? – уверенно сказал Смаглий. – Если ты Кота не прикроешь, этот милый паренек уроет его по самую маковку. И на тебе грех будет...

– Ты меня снова пугаешь?

– Нет. Правду говорю.

– А как я его прикрою? Меня через пару дней назад отправят... – И поймал себя на стыдной беспомощности в голосе.

– Не знаю. Ты подумай, – сказал Смаглий, и тон его был не шутовской-развеселый, а скребуще-жесткий, как напильник, и звенели в нем сила и властность, и сам он в этот миг был меньше всего похож на разнаряженного валета. – С коллегами не разговаривай – они на корню все куплены, в ломбард заложены, на рынке проданы. А вон твой конвойный уже назад прет. Запомни телефон для связи, нет-нет, не записывай, запомни, он простой – 717-77-77.

Александр Серебровский: Олигархия

– Сколько времени?

Все повернулись ко мне. Вдруг захотелось – как тысячу лет назад в детстве, которое, наверное, отменено за давностью, – пропеть им дворовую считалочку-дразнилку:

Сколько время?

Два еврея!
Третий – жид
По веревочке бежит.
Веребочка лопнула
И жида прихлопнула...

Не стоит. Вениамин Яковлевич Палей и Окунев обидятся. Не обидятся даже, а испугаются – решат, что я им грожу. Пугаю.

А грозить мне им пока не за что. Вон как они – и Палей, и Окунев, и вся остальная команда – дружно сделали отмашку левой рукой, будто офицеры на строевом смотре: задрали обшлага дорогих пиджаков, вперились в увесисто лежащие на запястьях одинаковые золотые цилиндры «Картье-Паша». Это не случайное совпадение вкусов и не примета одновременно пришедшего нуворишеского достатка. Будем считать это знаком особой принадлежности – вроде шитых золотой канителью погон. Или боевого ордена. Хотя орденов по двадцать шесть тысяч баксов не бывает. В Нью-Йорке на Брайтоне орден Ленина стоит пять сотен – за золото и восемь граммов платины уважают. А все остальные советские регалии – по двадцатке. Господи, если бы мой отец мог себе представить, что его героические цацки, которые он с гордостью надевал по праздникам на специальный – парадный, орденский – бостоновый синий костюм, будут стоить по двадцать долларов штука... Эх вы, бедная технологическая интеллигенция!

«Не надейтесь на князи, на сыне человеческие, – сказано в Псалтири. – И почести их, и гнев их – проходят».

– ... Без одной минуты десять, – быстрее всех сказал Палей, лысоватый пожилой ловчила с быстро шарящими глазами, похожий на антисемитские карикатуры в фашистских газетах.

– Двадцать один час пятьдесят девять минут, Александр Игнатьевич, – сообщил Коротков, брыластый мордovorот с красным затылком, мой самый надежный продолжатель дел и традиций советской партийно-государственной системы в нашей ненадежно-зыбкой рыночной жизни.

– Осталось ровно тридцать пять секунд, – дал справку Анкудинов, сухой беловзорый старикан, богатый до отвращения и оттого с неизгладимой печатью бухгалтерской нищенской участи на костистой роже.

– Уже пора, наверно, Сашенька, – проворковала моя хищная горлица Алябьева, пока еще броская, вроде бы интересная, но маленько перезревшая ягода. От нее наносит сладостью тлена.

Оганесян – утомленно-расслабленный джентльмен с тонкими руками профессионального игрока. Окунев и Костин, американизированные молодые парни в изящных золотых очечках, подмигивают друг другу, что-то щелкают на карманных компьютерах. Сафонов, надежда моя и защита, – жесткий крутой мужик, на котором костюм от Оскара де ла Рента сидит как плохо подогнанный, еще не обмявшийся мундир, кивает:

– Время...

Моя команда. Зверинец. Коллекция. Гербарий ядовитых редких растений, который я заботливо и долго собирал. Я их, естественно, не люблю, но ценю. В этой крошечной стране, на одной шестой суши, найти других, получше – невозможно. Пускай будут эти.

Из мутной синевы телевизионной заставки вынырнула ведущая Татьяна Миткова и сказала мне своим обычным доверительно-неофициальным тоном:

– Главное событие дня – президент Российской Федерации Борис Ельцин принял сегодня в Кремле крупнейших представителей российского частного капитала...

На экране в голубовато-бирюзовом интерьере Владимирского зала мы выстроились неровной шеренгой. Чудовищное зрелище! Пионервожатым на линейке магнатов – миленький, молоденький, маленький, пузырящийся от тщеты премьер-министр Кириенко.

А вот и президент наш явился, не запылится. Державный, могучий, почти самоходный. Гыкает, рыкает, ласково-хамски шутит, чинно ручкается. Ладонь толстая, неподвижная, вялая.

А Телетаня бойко щебечет:

– ...На встрече, посвященной обсуждению насущных вопросов российской экономики и социального положения в стране, присутствовали председатель правления РАО «ЕЭС» Анатолий Чубайс, председатель правления «Газпрома» Рем Вяхирев, руководитель «Онэксим-банка» Владимир Потанин, президент «Менатэпа» Михаил Ходорковский, председатель правления холдинга «РОСС и Я» Александр Серебровский, президент холдинга «Мост» Владимир Гусинский, президент «СБС-Агро» Александр Смоленский...

Я взял со стола пульт и выключил телевизор.

Все нормально. Бред. Миллиардеры не могут сбиваться в стаи. Это сюр. Толпа магнатов – штука противоестественная, разрушается идея элитарности личности властителя, единичности занятия. Ничего не поделаешь. Стадо. Бездна незапоминающихся имен.

А себя назову Мидасом. Моя родословная – Мидас, Гордиев сын, властитель Абдеры – страны дураков...

Тишина. Я ткнул пальцем в американистого Окунева:

– Следующий! Что с залоговым аукционом? Докладывайте...

Кот Бойко: Полеты во времени и наяву

Крутанулась стеклянная вертушка двери и с тихим шелестом вбросила меня в вестибюль. И сердце радостно и тоненько заныло.

Господи, Боженька ты мой родимый! Сколько же меня здесь не было! Как же все это шикарно-базарное великолепие могло здесь жить без меня? Я ведь, прошу учесть, по своему марксистско-материалистическому мировоззрению – упертый идеалист. Может быть, отчасти даже солипсист, в какой-то мере по большому счету – если как отдать. То есть все, что мой разум с помощью пяти или шести – точно не помню – чувств не воспринимает, того нет. Нет! Как бы не существует.

Да я насу в глаза любому, кто попробует антинаучно и противоестественно доказать мне, что долгие годы – на все время моей вынужденной отлучки – существовал без меня этот вестибюль гостиницы «Интерконтиненталь», или, по-западноамериканскому, – лобби.

Лобби! Долбаный по голове! Хорошо, что не сажив-ви! Кому-то, может быть, лобби, а по мне – волшебный мир, сказочная лоббковая цивилизация. Край грязных грез, быстрых денег, легких баб, шальной выпивки, неживых вечнозеленых берез, летящих в зенит лифтовых кабинок, переливающихся огоньками, как мыльные пузыри. И орущего на верхотуре золотого петуха в перемудренных курантах. Ах мой прекрасный, почти было потерянный помоечный рай!

Данте Алигьери, старинный дурень, написал свой кошмарный путеводитель по кругам ада. Ему бы, межеумку, описать восходящие круги нашего рая – вот бестселлер бы отлудил, мир от этой «Божественной комедии» животики бы надорвал.

Приятный ветерок кондиционера здесь пахнет кофеем, миндальной горечью «амаретто», сигаретным дымом. И бабами! Их едким звериным духом, перешипающим любые запальные французские духи.

Я обонял – или придумывал себе – нежно-сладкий смрад их потаенных складок и булочный аромат груди без лифчиков под кофточками, которые и не наряд вовсе, а прозрачный намек на одежду.

Девочки мои любимые! Три года меня здесь не было – и вы не существовали вовсе, а сейчас вы явились в моем воспаленном голодном мире как чудесные икебаны из длинных ножек, острых сисек, круглых попок, быстрых глазок и всего остального икебанистого.

Я хочу вместе с вами прожить всю жизнь в роскошных вестибюлях дорогих отелей – я, оголтелый лоббист пятизвездочного эдема. Мы будем сидеть за мраморным столиком, с сигарой «Партагос эминенте», под шелестящей пластмассовой листвой бутафорского сада, над шорохом хрустальных струй фонтана из местной канализации. Мы будем любить друг друга, сливаясь в судорогах оргазма, перетекающего в экстаз.

Вожделенные мои телки! Бросьте своих налакированных шнырей с их мобильниками и ноутбуками, бегите ко мне! Я покажу вам, хотите – потрогайте руками жуткие рубцы и шрамы на моем теле: через них вынимали мои ребра, чтобы сотворить вас, мои Евы, недорогие, но любимые мои девочки, дающие самое большое счастье за небольшую копеечку. Я счастлив отдать свои ребра – зачем мне, простодушному Адаму, эта костяная клетка, в которой страстно молотит мое сердце – могучее и горячее, как мотоцикл «харлей»?

О, неповторимое волшебство соития в сказочных чертогах этого туптового рая, на выходе из которого светится маленькое красное табло – «Дорога в ад».

Они бы наверняка мигом словили мой посыл, затрепетали бы крылышками, бросились ко мне, трущобному ковбою, грозному погонщику своих злых сперматозоидов.

Но здоровенный долболом за спиной не дал нам оргастического счастья соития, а грубо пихнул меня:

– Не стойте, идемте... Нас ждут...

Оказывается, нас ждут! Нас – это меня и его, мясного быка с циками. Он – мой телохранитель. Или конвой. Одним словом, силовая обслуга.

Ладно, раз нас ждут – пойдем.

Посмотрел на себя в черной зеркальной панели на стене – грязный, мятый, небритый, занюханый, затруханый, с серым лицом и прической, как у медведя на жопе. А костюмец мой роскошный – как муар – в поганных разводах, полосах и суповых пятнах.

– Нет, не помчатся ко мне козочки мои вестибюльные, серны отельные, лани мои панельные... – произнес я со смиренной горечью.

– Что вы сказали? – нырнул ко мне детина.

– Я не с тобой разговариваю.

Нет, не постичь тебе, свиноморд долбаный, мудрость, с которой мы – возвышенные идеалисты – отираемся в этом прекрасном поганище.

Жизнь – это не то, что с нами происходит, а то, как мы к этому относимся.

Вот так!

И понеслись мы к небесам в прозрачной капсуле лифта, и пока брели по бесконечному гостиничному коридору к номеру люкс, я почувствовал, как сильно я устал за долгий день. Охранник костяшками пальцев постучал в дверь условным стуком. Точка-тире-тире-тире-точка. Этот козел стучал деликатно, он заранее извинялся.

– Можно, – слышалось из-за двери.

Сторожевой мерин собственным ключом отпер замок, пропустил меня вперед. Вот он, наш хозяин – воздымающаяся из кресла сорокалетняя толстая гиря с мордой, проштампованной несмываемой печатью сексотства. Радушный веселый злодей и опасный жизнелюб в легкомысленной рубахе-апаш.

– Добро пожаловать домой! Страна приветствует своих героев! – У него был непропорционально большой подбородок, тупой и серый, как подшитый валенок.

– Не преувеличивай, – усмехнулся я, пожал вялую, как грудь старухи, ладошку и сбросил на пол свой замечательный пиджак. Потом уселся в кресло и показал ему на бутылку виски: – Сдавай... Будем знакомиться...

А чтобы охранник не простаивал без дела, загрузил его работой:

– Ну-ка, возьми лед в холодильнике...

Хозяин налил в стаканы виски – на два пальца, силовая обслуга вылушила из ванночки несколько кубиков льда. Тогда гиря, лыбясь, как параша, свой стакан торжественно поднял для приветственного спича:

– Костя, я рад, искренне рад, что ты здесь, что усилия наши увенчались... Зовут меня Николай Иваныч... Надеюсь, что мы успешно поработаем вместе... За встречу на свободной земле!.. – От этой патетики его толстые брови вздымались на лоб и ползали там самостоятельно, как ржаво-серые мыши.

Сглотнул я свою янтарную кукурузную самогоночку, дух перехватило, взял из вазы яблоко, с удовольствием, с хрустом надкусил. Негромко бурчал телевизор, нарядный красавчик Леонид Парфенов, почему-то сидя на лестнице-стремянке, как маляр на перекуре, поведывал:

– «...Мы... показываем год одна тысяча девятьсот восемьдесят второй... Факты нашей истории... представить трудно... а еще труднее понять...» – И замелькали кадры старой кинохроники.

Николай Иваныч, кося взглядом на телевизор, спросил:

– О чем задумался, Кот?

– Я? Да вот хочу представить, хоть это и трудно понять. – Я кивнул на Парфенова в телевизоре. – Почему во всей Конторе кумовьев зовут Николай Иванычами?

Тот расщерился еще шире:

– Ну, ты даешь! А как я должен называться – Борис Абрамычем? Хорошее имя у меня, Николай Иваныч – народное, памятное. Душевность и простота в нем...

– Не выдумывай, – махнул я рукой. – Это вам железный нарком Ежов Николай Иваныч имечко свое заповедовал.

– Хорошая мысль! – обрадовался, захохотал, руками замахал. – Буду теперь знакомиться: «Николай Иванович Ежов! Я – комиссар государственной безопасности...»

Я остановил его:

– Не преувеличивай. Ты не комиссар. Да и звания такого нет в нынешней службе.

– Звания нет, – согласился Николай Иванович. – Хотя служба-то, слава богу, есть. Правда, я теперь не по этой части...

– А по какой? – искренне поинтересовался я.

– По гуманитарной...

– Слава те, Христос! – закричал я, вскочил с кресла и в пояс ему поклонился. – Есть на земле святые люди, которые постоят за сырых и убогих, за обиженных, униженных и опущенных. Ты наверняка в «Амнести интернэшл» служишь?..

– Нет, – усмехнулся Николай Иваныч. – Мы люди серьезные, глупостями не занимаемся – делом заняты. Поэтому постарались скостить тебе два года на зоне.

– Николай Иваныч, кормилец ты мой и поилец! – заорал я и быстро налил себе полный стакан вискаря, хлобыстнул, не задерживаясь, и продолжил свой благостный вопль: – Век за тебя буду Богу молиться! И детям, и внукам своим накажу. Вот как родятся дети, вырастят себе внуков, так я им всем сразу и накажу – молись, рвань сопливая!

– Накажи, Костя, накажи обязательно! – серьезно сказал Николай Иваныч.

Я отодвинул стакан, посмотрел грустно, спросил смиренно:

– Зачем звал к себе, старче?

Этот черт по кличке Николай Иваныч, глядя через мою голову на экран телевизора, сделал громче звук. Иронически-восклицательный голос Парфенова у меня за спиной сообщил:

– Этот год был отмечен триумфом советских спортсменов на зимней Олимпиаде в Нагано...

Я обернулся и увидел себя на экране.

– ...Героем этих соревнований, символом физической мощи и моральной стойкости советской молодежи на фоне дряхлеющего руководства государства стал двадцатилетний студент Константин Бойко, выигравший две золотые олимпийские медали в биатлоне...

Эх ты! Сердечко-то как испуганно и стыдно-счастливо задержалось! Ти-вишные щелкоперы и упырь Николай Иванов выдернули тебя – в один миг – из реального пространства времени и швырнули в почти забытую волшебную небывальщину. Фантастический коктейль для матерого идеалиста – в мире живо лишь то, чем мы живем.

Истаявшие годы, забытые континенты, смешные ненужные подвиги, воскресшие персоналии, печальные реалии, сумасшествие всей нашей виртуалии.

А на экране – я, молодой, упругий, как тетива, злорадно-веселый, пылающий людоедским азартом, дымящийся паром, как жеребец в намете, – рву лыжный кросс, на бегу скидываю с плеч лямки карабина, нырком – как в море – падаю в снег на боевом рубеже. Глубокий вздох, я остановил дыхание, я замкнул накоротко указательный палец и страшную силу смертоносного вдохновения, я в каждый патрон вложил себя – и гремит серия, шестью выстрелами с огромной быстротой бью шесть мишеней. Мгновенно вскочил, закинул за спину карабин и – бешеный рывок к финишу...

Прыгают черно-белые кадры – вот он я, здоровенный, как обожженный кирпич, в спортивном свитере с гербом Советского Союза и надписью «СССР», еще тяжело дышащий, мокрый от пота, красный, растрепанный, счастливо-молодой, полный куража и уверенности в том, что жизнь прекрасна и вся принадлежит мне.

О чем и рассказываю в микрофон журналисту:

– Я счастлив, что мои медали тоже попадут в золотую копилку советской команды. Это наш общий успех на благо нашей замечательной родины, давшей нам все возможности в этой жизни...

Вот что правда, то правда! Родина действительно дала мне все возможности в этой жизни...

И в следующем кадре – распадающийся бровеносец Леня Брежнев прикрепляет мне на лацкан пиджака орден Октябрьской Революции.

Обнявшись, мы оба, как бесы в омуте, пропадем в голубой пучине телевизора. Будто из жизни подсмотрели. А на экране уже снова Леня Парфенов, невероятный красовчук и мудрый всезнаец, Нестор-летописец с НТВ, полный писец! Качает головушкой:

– А в жизни все получилось иначе...

– Во даете! – восхищенно помотал я головой. – Это вы к моему прибытию передачу обеспечили?

Николай Иванов вздохнул:

– Прости, передачу не обеспечили. Обеспечили, чтобы ты в летопись страны попал.

Он щелкнул клавишей видеомэгнофона, выползла кассета. У меня было пакостное ощущение, будто они подсмотрели мой сон. Они могли копаться в моих воспоминаниях. Значит, могут управлять моим будущим.

Я спросил:

– И чего хотите за это?

– Да ничего от тебя не хотят! На кой ты нам сдался? Просто подправили мы маленько ход событий, чтоб игра была по справедливости, по-честному...

– И в чем же наша игра будет? Чтоб все по-честному?

– Да у нас с тобой игры и не будет! – засмеялся Николай Иванович. – Это как бы нас не касается... – Он обернулся к телохранителю: – Ты, Валерочка, сходи погуляй немного. Мы тут побалакаем немножко, и я поеду. Позову тебя погодя...

Сергей Ордынцев: Возвращение

На самом подлете к Москве, когда густую лиловую акварель горизонта уже размыло желтое электрическое зарево города, я задремал.

И во сне всплыло воспоминание – легко, неслышно, как теплый монгольфьер в этом вечернем сиреневом сумраке.

...Мы с Сашкой Серебровским прячемся за приоткрытой дверью учительской, где директор Марк Тимофеевич, которого мы для ясности называли Мрак Темнотеич, орет надсадным нутряным криком на шкодливо-смущенно раскаивающегося Кота Бойко:

– Ты – позор школы! Нет, нет, нет! Не выпустим мы из школы гражданина и патриота! Попомните все! Вырастет из тебя хулиган, фарцовщик, бандит!.. Убийца Кирова!..

Кот что-то забормотал по поводу Кирова – я не расслышал, что именно, потому что его юродскую жалобно-заунывную слезницу заглушил душераздирающий вопль Мрака Темнотеича:

– Вон! Вон отсюда!.. Чтоб твоей ноги больше в школе не было!..

– Вот дурак! – досадливо вздохнул Сашка Серебровский и чуть шире приоткрыл дверь.

– Кто именно? – шепотом поинтересовался я на всякий случай.

– Похоже, оба. Наш – хуже...

Учителя бессловесной подтанцовкой суетились на заднем плане, образуя вокруг директора Мрака Темнотеича фон горькой педагогической скорби. Между тем Кот плачущим фальцетом возгласил:

– Как скажете! Раз моей ноге в школе нет места...

И совершенно неожиданно подпрыгнул без разбега, сделал сальто и пришел на руки, выжал стойку, косолапо повернулся на ладонях и пошел на руках к двери, помахивая воздетыми в зенит лядащими ногами, обутыми в шикарные белые кроссовки «Адидас».

...У Кота, у одного во всей школе, были кроссовки «Адидас». Кот – пионер борьбы с монополией государства на внешнеэкономические связи – отловил туриста около гостиницы «Москва». Пьяный финн снял с ног «адидасы», а Кот ему отдал кеды, похожие на парусиновые галоши, шикарный значок с барельефом первопроходца космоса Юрия Гагарина, бутылку смертельного пойла «Солнцедар» и металлический целковый «лысик» – юбилейный рубль с Лениным, на глаза которого был надвинут вместо шапки огромный лоб, как у Г. А. Зюганова.

Сашка Серебровский, который и двадцать лет назад знал массу вещей, недоступных нам, уличным придуркам, сказал тогда, корчась от зависти:

– Нормальная бартерно-клиринговая сделка с высоким профицитом...

Вот так, грациозно помахивая в воздухе этим самым профицитом, украшенным черными прописными буквами «Adidas», нашей недостижимой мечтой, воплощенной немецким сапожником Ади Дасслером в недорогие удобные спортивные туфли, которые для нас были вовсе не тапки, а символ невероятно прекрасной, ошеломляюще роскошной заграничной жизни, наш друг Кот, хулиган и двоечник, шествовал на руках по пыльному паркету учительской к двери, где мы уже изготовились ловить его, страхуя на обратном перевороте.

А в учительской тишина была сказочная – будто их там цементом залили.

Сашка распахнул дверную створку, и Кот степенно вышел на руках в коридор. Я хотел подхватить его за мускулистые копыта, но он сдавленным голосом остановил:

– Отчепись! Вертикаль держу...

– И далеко ты так собрался? – невозмутимо, как всегда, поинтересовался Серебровский.

– Прочь из Москвы! Сюда я больше не езду...

Он шел по коридору, за ним скорбно шествовали мы с Сашкой, а за нами бежала толпа школяров, визжа от восторга, улюлюкая и гогоча.

Когда Кот, осторожно переставляя на ступеньках ладони, стал спускаться по лестнице, Сашка спросил:

– Слушай, Котяра, а может, ты теперь всегда будешь ходить на грабках?

– Я подумаю, – пообещал Кот. – Писать неудобно – ширинку ногой не расстегнешь...

– Поможем, – заверил я и попросил: – Кот, а не можешь на пуантах? Слабо встать на пальцы?..

...Сейчас бы, наверное, девчонки сказали про Кота – «прикольный парень». А в те времена у слова «прикол» был совсем другой смысл – «иждивенец», «прихлебатель», «стололаз».

Вот это я могу точно сказать: никогда Кот Бойко не был приколом...

Проснулся, будто сбросил с себя сон, как душное, тяжелое одеяло.

Проспал посадку. Самолет уже причалил к терминалу.

На Смаглия надели наручники. Майор Котов отсек остальных пассажиров, и мы потянулись по длинной складчатой кишке в здание аэропорта.

Из аэровокзала доносился мелодичный телебенькающий перезвон радиoinформации и вкрадчивый женский голос, будто сообщающий по секрету:

– Рейс двести пятьдесят два прибыл из Парижа...

На стеклянном портале красовался огромный рекламный билборд – сусально-клюквенный силуэт Москвы с кремлевскими башнями и церковными маковками, перечеркнутыми размашистыми словами цвета мяса: «This is another World» – это иной мир!

Ну полно! Так-таки совсем иной?

Навстречу нам ленивой развалочкой шагал красивый франтоватый подполковник, шутовски отбивающий земные поклоны.

– Какие люди! Как там у вас привечают – ю ар велком?

– Фомин! – обрадовался я. – Тысячу лет!

– Это деноминированными! – обнял меня Фомин. – А если нынешними – года два верных будет.

– Как жив?

– Сказка! Волшебный страшный сон – боюсь проснуться, – засмеялся Фомин. – Я, Серега, живу как Вий – поднимите мне веки...

– Живи, Фомин, как я, – не бойся. Я точно знаю: все возможные неприятности однажды произойдут. Чего заранее бояться?

– Все правильно, Серега! Я вот подумал, может быть, махнемся? Я – туда, ты – сюда. Ты ничего не боишься здесь, а я там, в Лионе, в Интерполе боюсь только уронить престиж Родины.

– Заметано! – легко согласился я. – Мне еще года полтора осталось пыхтеть, и ты меня сразу меняешь. Годится?

– А чего время зря терять? – озаботился Фомин. – Ты там поговори у себя – есть, мол, замечательный парень, прекрасно носит за начальством портфели, уживчивый, хороший аппетит, без вредных привычек, холостой...

– Как холостой? – остановил я его. – Ты что – с Галкой развелся?

– Ни слова о страшном... – прижал руку к губам Фомин.

К нам подошел майор-пограничник со стопкой паспортов в руках.

– Ваши документы готовы. Паспорт арестованного...

– Мне! – протянул руку Фомин. – Его паспорт будет у меня.

– Хорошо, – согласился я. – Я еду с вами или в министерство?

– Нет, – покачал головой Фомин. – Не с нами и не в МВД. Ты едешь с этими роскошными господами...

Фомин показал рукой на двух стоящих у стены парней, неподвижных, как камни, с немymi, ничего не выражающими лицами. Типичные «шкафы».

– В МВД поедем мы, вершитeли благородного дела грязного криминального сыска, будем пахать, колоть, не покладая рук и ног трудиться, – стебал неутомимо Фомин. – А вы, избранники фортуны, любимчики судьбы, заграничные тонкие штучки, вы пойдете, как завещал Владимир Ильич, другим путем...

Он махнул рукой, подзывая «шкафов»:

– Передаю его вам, бойцы, с рук на руки. Берегите его, лелейте и ласкайте...

Те молча, дисциплинированно, серьезно кивнули.

– Подожди, – вмешался я. – Я получил телеграмму от замминистра, от Степанова...

– Знаю, все знаю, – перебил Фомин. – Оне, в смысле их превосходительство Анатолий Иванович, мне и велели тебя встретить и перепоручить этим бойцам...

– Куда? Зачем? – обескураженно спросил я. – Ничего не понимаю!

– Слава богу! С возвращеньцем! Мы здесь так и живем всю дорогу – ничего не понимаем...

На парадной площадке у входа в аэропорт бушевала нормальная вокзальная суета. Хотя, конечно, здесь ощущался завышенный, антуражно-приподнятый уровень жизни: дорогие иномарки, лимузины с синими «рогами» моргалок и правительственными номерами, импозантный багаж, нарядные дамы, многие с породистыми собаками, разнообразные оглоеды с сотовыми телефонами, цветы у встречающих.

Здоровенный гаишник лениво разгонял подъезжающий транспорт с площадки перед большими стеклянными дверями, оцепленной для милицейского конвоя. Я попрощался с мрачным Котовым, поручался напоследок с его коллегами-разыскниками, моими парижскими спутниками и подошел к Смаглию:

– Ну что, Василий Никифорович? Хочу пожелать тебе здоровья, остальное – за судом и следствием...

– И тебе, земляк, не хворать! А вообще зря ты меня заловил, командир. Лучше мы бы с тобой в Париже сейчас гулеванили!

– Что поделаешь! Живем по понятиям – ты бежишь, я догоняю...

– Все по-честному! – согласился Смаглий. – Я тебе только один секрет открою: мы тут все по кругу бежим. И ты тоже. Неизвестно, кто кого догоняет...

– Так думаешь?

– Знаю! Как запыхаешься чуток – оглянись. У тебя уже на хвосте сидят.

– Обязательно оглянись, – заверил я. – А за телефончик – спасибо...

Подошел ухмыляющийся Фомин, похлопал меня по спине:

– Все, все, все! В таких случаях в крематории говорят: пора-пора, прощайтесь, господа...

– Бывай, – засмеялся Смаглий и нырнул в «Волгу».

Фомин открыл передо мной дверцу джипа «чероки»:

– Давай поехали. Отправляю тебя – и мчим в Лефортово.

Один из «шкафов», которым меня перепоручили, покачал головой и коленом проворно застопорил переднюю дверцу:

– Простите, попрошу вас на заднее сиденье...

Второй «шкаф» уселся за руль. Я удивленно посмотрел на Фомина, а тот развел руками:

– Ничего не попишешь, Серега, это правила перевозки особо ценного контингента. Места впереди – для нас, расходного материала, саперов милиции, сменных мишеней...

Я влез в машину, а Фомин наклонился к окошку:

– Не бздюмо! Все будет о'кей! Думаю, кто-то сверху тебе впарил чрезвычайное по пакости и важности дело...

Мы хлопнули друг друга на лету ладонями, джип медленно покатился, «шкаф» на ходу прыгнул в машину, хлопнул передней дверцей.

Я оглянулся, и в заднем стекле было видно, как Фомин машет нам вслед рукой. Я еще слышал, как, подходя к «Волге», он крикнул:

– Сопровождение подано?

Водитель из милицейского «жигуленка» с мерцающей световой рампой на крыше дал Фомину отмашку, и тот уселся за руль «Волги»...

Кот Бойко: Сговор

Я слушал Николай Иваныча, смотрел с интересом, как ползают по его лицу жирные мыши бровей, и думал о том, что все-таки нет в мире справедливости.

Любой ссыкун, хромой или кривой, получает без проблем инвалидность. А Николай Иванычу – не дадут. А почему? Ведь запустили его в мир с таким фантастическим зарядом антипатичности, такой ползучей бытовой противности, что просто непонятно – как он прожил жизнь? Будь он косорылый, со стеклянным глазом, с горбом или грыжей – не взяли бы на боевую службу, а все остальное – нормально. А так он, бедняга, целую жизнь мается со своей отвратительностью. Бабы ему не дают, мужики не дружат, начальство не уважает и остерегается, подчиненные боятся и ненавидят. Жена, наверное, мечтает стать вдовой, дети – сиротами. Господь всемиловитый смотрит на него в смущении: «Не виноват я, ошибочка с тобой вышла – не люблю я тебя...»

Сейчас он мне напористо-ласково втолковывал:

– Известно, что это твой дружок тебя в клетку отгрузил...

– Не преувеличивай! – усмехнулся я. – Народный обычай, национальный аттракцион – спихнуть на крайнего.

От усердия выступали на бугристом лбу Николая Иваныча капли зеленого, наверное, вонючего пота.

– Ну да, это конечно! Все нормально! Только с этим крайним вся жизнь прожита, и все первые деньги и бизнес принес этот крайний, – пожал плечами Николай Иваныч. – Бабулечки эти неплохой урожай дали: сам-тысяча...

– На деньги плевать! – махнул я рукой. – Завтра новые, как плесень, вырастут...

– Не плюй на деньги, Костя, – серьезно задвигал своим валяным подбородком Николай Иваныч, и голос его зазвучал как-то зловеще, будто в опере: – На деньги, как на икону, плюнешь – больше не вырастут...

– Ну ты даешь! – засмеялся я вполне беспечно. – Деньги – как бабы: приходят, уходят... Кого-то просто так, без причины любят – сами липнут. А другой до обморока вздыхает, а они на него смотреть не будут. Пруха должна быть! Деньги везунчиков любят.

– А ты – везун? – с сомнением посмотрела на меня эта мерзкая глыба.

– А то? Я – профессор человеческого счастья, доцент удачи. Я – завкафедрой теории везения!

– То-то и видать! – покачал головой Николай Иваныч.

– Чего тебе видать? Ну не будь я везунчиком, стали бы твои хозяева чинить порушенную справедливость? Сижу здесь с тобой, вискарь лакаю. А не на шконках в лагере. Ладно, ты говори попросту – чего тебе надобно?

– А ничего! Ты теперь вольная птица, сам с дружкой своим разобраться сможешь.

Я долго смотрел на него, а потом участливо заметил:

– Вижу, что и вас он достал крепко...

– Он человек шустрый, он всех достал, – горько сказал мне мой тягостный собутыльник. – Пока ты отлучался на время, он тут в большие забияки вышел. Поэтому коли понадобится тебе помощь – деньгами, нужными концами, инвентарем тебе привычным, – подсобят тебе.

Я налил в стакан шотландской ячменной самогоночки, медленно-протяжно отхлебнул, замурился от удовольствия, а потом поднял на него свой простодушно-доверчивый глаз:

– Ага, понятно! Ну и жить, само собой, под твоим надзором?

– Ну почему – под надзором? – обиделся Николай Иваныч. – Просто вместе будем жить, часто видаться. А вот Валерка, тот при тебе будет круглые сутки на побегушках. Всегда он при тебе будет...

– Выходит, моего согласия и не требуется? – спросил я на всякий случай.

– Да что ты такое говоришь, Костя? Кто ж тебя неволит? Вольному воля! Только воля эта тебе ни к чему. Без меня тебя через неделю угрохают... – На таранном его рыле проступила, как плесень, скорбь-печаль о моей горькой участи.

– Твои дружки, что ли? Которые за справедливость?..

– Нет. Мои друзья – люди смирные, добрые, безобидные. А угрохает тебя *твой* закадычный дружок...

– Зачем? – простовато спросил я. – Дружок мой в большой отрыв ушел. Он, можно сказать, везде, а я – нигде... За что?

– За длинный язык твой, Костя, за несдержанность. – Николай Иваныч сочувственно вздохнул, и рыжеватые мышцы его съехались на переносице, слились, совокупились. – Я тебя понимаю: обидно было и крайним оказаться, и девочку любимую в залог дружку оставить. Вот ты и болтал не к месту, что рассчитываешься с ним по самому крутому счету...

– Все-то вы знаете, – помотал я головой.

– Знаем, Костя, знаем, – кивнул Николай Иваныч. – И дружок твой знает – у него служба безопасности не хуже нашей. И он тебе рекордный кросс со стрельбой не позволит. Теперь ваша дружба встречный бой называется. Вот ты и прикинь, что к чему...

Сейчас этот урод, выкидыш гнойный, захочет взаимных клятв на крови. Верности до гроба – дураки оба.

– Ладно, ужинать пора, – махнул я рукой. – Вопросы ты мне серьезные задал, тут думать надо. Пошли в кабак...

– Зачем ходить? – возбудился Николай Иваныч. – Мы сейчас в номер закажем, чего нам в ресторане зря светиться, рисоваться лишнего. А думать, конечно, будем. Тут не Олимпиада, ошибиться нельзя. За второе место серебряную медаль на кладбище выдадут... – Он встал, открыл дверь, позвал охранника: – Валер! Подь сюды! Значит, спустись в ресторан, своим глазом убедись – ужин пусть по полной программе будет.

Он вернулся в комнату и протянул мне мобильный телефон:

– Вот возьми, пусть все время при тебе будет... Если что, я с тобой свяжусь. Номер мой простой: нажмешь 717-77-77 – и вот он я. Завтра я вас с Валеркой свезу отсюда в приятный коттеджик – отдохнешь, оглядишься, прикинем что и как... В старые адреса тебе не надо ходить, и по старым телефонам не звони – все мониторируется...

– Неужто все? – восхитился я.

– Надеюсь, – со спокойной гордостью сообщил Николай Иваныч. – И коль мы о них знаем, то и у друга твоего они под контролем...

– Во даете! Прямо как у Штирлица с Мюллером...

КАК БЫЛО ДЕЛО

Конвойный ордер – милицейский «жигуль» и черная «Волга» с проблесковым фонарем на крыше – уже прошел Ленинградское шоссе и по длинному плавному съезду стремительно выходит на Окружную кольцевую дорогу в сторону Дмитровки. В полукилометре за ними сле-

дует грязная «девятка», ведущая их от аэропорта. Наводящий из «девятки» – человек с неразличимым лицом потного призрака – переговаривается с кем-то по рации.

С площадки отдыха – много впереди подъезжающего конвоя – трогается несколько машин. Большой тяжелый грузовик, полуфургон «газель», поношенный неприметный «опель». Они занимают крайний левый ряд и растягиваются по трассе. Конвой приближается и на большой скорости начинает обгонять их в правом ряду. Мчащийся впереди «опель» вдруг делает резкий рывок направо и ударяет первую машину конвоя – милицейский «жигуль» – в левое заднее крыло. Это профессиональный удар недобросовестных гонщиков. От неожиданного бокового удара «жигуль» на скорости вылетает с полотна дороги, падает в глубокий кювет и переворачивается через крышу.

Угрожающе и бессильно воеет сирена, над разбитой машиной продолжает вспыхивать пульсирующими сполохами сигнальная рампа.

Фомин за рулем «Волги» пытается погасить скорость и выйти налево, чтобы обойти перекрывающий ему путь «опель». Но слева на них тяжело надвигается борт грузовика.

– Тревога! – кричит Фомин. – Оружие к бою!.. Нападение!..

Майор Котов ревет перепуганному Смаглию:

– На пол!.. На пол, мать твою!.. – выхватывает пистолет, заталкивает на пол кабины слабо сопротивляющегося Смаглия и ложится на него, прикрывая арестованного своим телом.

Офицеры сопровождения открывают стрельбу по грузовику. Поздно – им не хватило нескольких секунд. Грузовик всей своей чудовищной железной массой наваливается на «Волгу» и волочет ее по обочине навстречу уже остановившемуся «опелю», из которого выскакивают два человека с автоматами наперевес. «Волга» врзается в «опель», и сдвоенная автоматная очередь разрезает монотонный негромкий рокот автострады. Киллеры стреляют внутрь машины до последнего патрона в магазине, бросают автоматы на землю и на ходу прыгают в фургон «газель». Туда же забирается водитель грузовика. Из притормозившей «девятки» невзрачный человек с рацией кричит:

– Пошли! Пошли!..

Машины быстро набирают скорость, сворачивают на Алтуфьевское шоссе, влетают в город, за первым перекрестком киллеры пересекаются в две иномарки, и машины разъезжаются в разных направлениях.

На месте побоища немо вспыхивает сигнальная рампа на крыше исковерканного «жигуля», курится дымок над расстрелянной «Волгой», в кабине – кровавое месиво. Мертвый майор Котов прикрывает собой Смаглия, во лбу у которого круглая пулевая дырочка.

Сергей Ордынцев: Встреча

Наш джип с мягким утробным рокотом вспорол сумрак городских окраин и будто рубильником включил для меня разноцветные переливающиеся огни празднично-нарядной Москвы. Ярко иллюминированные здания, томная подсветка зелени, огромный тускло-золотой кулич храма Христа Спасителя, загадочный свет в окнах незнамо откуда возникших небоскребов, прыгающие вспышки рекламы, зовущие пятна билбордов, дорогие витрины и подъезды ресторанов, сладкий запах жареного попкорна, ватажащиеся в стаи развеселые мужички и панельные девки – шикарная ярмарка жизни. Все продают. Кто покупает?

Красиво! Мне нравится. Мне нравится быть гостем в моем родном городе.

Володька Фомин предлагает подменить меня в штаб-квартире во Франции. Он не знает, что разница между гостеванием в Париже и постоянной жизнью там приблизительно такая же, как между посещением театральной премьеры и работой в этом театре осветителем.

Из автомобильного приемника доносилась залихватская киркоровская песня «Ой, мама, шикодама...». Интересно, что такое «шикодама»? Водитель нажал клавишу на панели приемника – в кабину рванул развязно-агрессивный голос радиообозревателя:

– ...Безусловно, решение Александра Серебровского баллотироваться в губернаторы Восточно-Сибирского края внесет известное разнообразие в наш унылый политический ландшафт. Во всяком случае, это недвусмысленно означает, что большие деньги хотят большой власти... Андрей Черкизов, радио «Эхо Москвы»...

Въехали во внутренний двор огромного делового билдинга. Мои молчаливые сопровождающие ввели меня в высокий мраморный вестибюль: рамы металлоискателей, контрольные кордоны – бойцы службы безопасности в серой униформе, трехкратная проверка документов. У растворенных дверей отдельного лифта охранник сказал любезно, не допускающим обсуждения тоном:

– Я вас провожу...

В просторной кабине полированного красного дерева, с факетованными зеркалами в бронзовых рамках, похожей на ампириный платяной шкаф, мы поехали, воздев очи вверх, как на молитве в храме, и на лицах моих спутников было такое ожидание, будто на световом табло-счетчике этажей сейчас проступит чудотворный лик Одигитрии-путеводительницы.

Разъехались створки дверей, и мы выкатились в просторный, заделанный под старину холл. А навстречу из-за бюро уже топает еще один стерегущий, приветливо улыбается, кланяется и быстро, как писали раньше в театральном ремарках – «в сторону», говорит лифтовому сопровождающему.

– Свободен...

И тот сразу же провалился обратно в кабину, будто откуковавшая кукушка в ходики.

Мне было видно, что вмонтированный в бюро пакет TV-мониторов просматривает и контролирует весь наш путь от самой входной двери. Этажный стерегущий проводил в приемную – незатейливое сооружение, размером и дизайном напоминающее католический собор. Сбоку у приставного столика сидели двое мужиков – не то референты, не то посетители, а может быть, снова охрана. Из-за большого секретарского стола, уставленного бесчисленными телефонами, поднялась немолодая, элегантно одетая женщина:

– Добро пожаловать, Сергей Петрович! Вас ждут...

Она открыла дверь в кабинет, а вся моя охранная свита, слава богу, будто натолкнувшись на незримый барьер, осталась у входа в приемную.

Я вошел в какое-то неяркое освещенное пространство и увидел в перспективе зала, далеко-далеко, как в воротах на футбольном поле, своего дружка Сашку Серебровского. Он полусидел, полулежал в кресле и разговаривал по телефону:

– ...Слушай, не забивай мне баки! С этим траншем еврооблигаций вопрос очень простой. Если у них есть лицензии, если они готовы дать перформенс-бонд на сто миллионов, я буду разговаривать...

Он помахал мне рукой – иди сюда, мол.

– Хорошо-хорошо! Сейчас мне не до этого. Ты завтра позвони Кузнецову, объясни ситуацию. А он мне доложит. Пока... А почему министр? Хорошо, я его послезавтра увижу... Скажу... Пока...

Он нажал кнопку – трубка испуганно пискнула, упав на стол. Сашка смотрел на меня с явным удовольствием, но его ехидные змеистые губы складывались в привычную ироническую улыбку. Потом он гибко и резко вскочил навстречу:

– Ну что? Прибыл, Верный Конь?

Мгновение мы молча стояли друг перед другом, внимательно всматриваясь, потом крепко обнялись, и я увидел, как саркастическая улыбка Серебровского блекнет, и он горячо, негромко, на выдохе сказал:

- Господи, как я тебя ждал, Серега!
Я только сейчас заметил, что я почти на голову выше субтильного маленького Серебровского. Я смотрел на него с нежностью.
- Сашка, Хитрый Пес, ты зачем сюда вскарабкался?
– Кто знает? Тайный ход карт... Или призыв судьбы...
– Доволен?
– Врагу не пожелаю.
– Тогда зачем?
– От меня это не зависит...
– Как это? – удивился я.
Он усмехается, и в его усмешке вновь проскользнуло снисходительное высокомерие.
– Серега, это на бегу не объяснишь... Это сложно... Во всяком случае, альпинист на траверсе не может сказать: притомился я маленько, надоело, пойду домой... Надо переть вверх. Или...
– Или?..
– Или – внизу кучка мясного фарша с обломками костей...
Серебровский возвратился к столу, нажал кнопку переговорника:
– Надя, сделай малый созыв. Нам – аперитивы.

Кот Бойко: Вид, удобный для логарифмирования

- Я вышел из ванной и увидел, что мой страж Валера, развалясь в кресле, тупо глядит в телевизор. Я предложил:
- Может, в ресторан спустимся?
– Да сейчас сюда принесут!
– Не выдумывай... Не уважают они тебя – забыли.
– Не забыли... Сейчас в кабаке самый крутеж. Придут, денег всем хочется.
Я с сочувствием посмотрел на охранника – тугого, мускулистого, остро пахнущего потом. Здоровенный ком жесткого мяса.
- Глупо так торчать, – попробовал я его уговорить. – Пошли вниз – девочек поднимем, гормональную нагрузку снизим. А?
– Нельзя! – горестно-твердо отказал мне конвоир. – Николай Иваныч запретил из номера выходить.
– Смотри, как у вас с дисциплиной хорошо поставлено! – восхитился я.
– Да, это верно, – с идиотской серьезностью подтвердил Валера. – У нас дважды не повторяют.
– Замечательно! Раз так – будем сидеть по краям унитаза, как пара орлов на вершине Кавказа.
И тут постучали в дверь.
– Кто? – дернулся на стук охранник.
– Ужин из ресторана заказывали?
Валера приоткрыл дверь, внимательно рассмотрел в щель официанта, только потом скинул цепочку и впустил неспешного посланца кухни – официант вкатил в номер тележку с выпивкой и яствами. Валера, пропустив его в номер, на всякий случай выглянул за дверь – пусто ли в коридоре. Молодец, бдит.
- Я с удовольствием наблюдал, как официант снимал с телеги и расставлял на столе многочисленные тарелки, судки, бутылки. Потирая от радостного нетерпения руки, я объяснял моему дисциплинированному сторожевому животному:

– У меня, как у всякого художника, в жизни есть три желания, три задачи, три высоких цели – завтрак, обед и ужин. Мимо завтрака и обеда я сегодня пролетел. Значит, сейчас пожем второйне... Але, ты как там?

Валера, шевеля губами, тщательно читал счет, потом подписал его, дал официанту чаевые:

– Посуду заберешь завтра, – закрыл за ним дверь, не забыв придирчиво проверить цепочку и замок.

В номере было жарко. Я скинул с себя рубаху и брюки, оставшись в одних трусах, – в полуголом виде человек выглядит беззащитно-беспомощно.

– Рассупонься, сынок, – предложил я своему обормоту. – Сейчас будем пировать, как древние римляне, – долго и в кайфе... Ты суп-то заказал? Я без супа не могу!

– Предусмотрено, – снисходительно улыбнулся Валера.

– Молодец! Мыслишь стратегически – далеко пойдешь. Я тебе расскажу один секрет: на зоне у людей странные представления. Без устриц или там черной икры живут спокойно, а без баланды – полная чума!

Валера засмеялся:

– Устриц не брал, а черной икры – навалом... Уха из стерляди с расстегаями подойдет?

Он снял и аккуратно развесил на спинке стула свой нарядный пиджак. Под мышкой в кобуре – «Макаров», к брючному ремню прицеплены наручники. Бой-парень, жопа – колесом!

– Давай-давай! – поторопил я его. – Ночь на дворе, приличные люди давно уже в пыль пьяные, а мы – не синь пороху! Сдавай!

Валера повернулся к столу, взял в руки бутылку «смирновки» и начал разливать по рюмкам.

Его бритый тяжелый затылок был отделен от накачанной мощной шеи жирной складкой, такой глубокой и красной, будто кто-то уже рубанул его по загривку топором.

Ну вот и мой черед пришел.

Я неслышно нагнулся, взял с пола свои брюки, растянул штанины на полный размах рук и в быстром плавном броске накиннул их охраннику на шею. За неимением другого и это вполне может сойти за удавку. Резкий рывок в разные стороны с одновременной подсечкой – полный абзац!

Валера обрушился на пол с грохотом упавшего в обморок буфета. Собственно, весь вопрос и состоял в том, чтобы пистолет из его кобуры перекочевал ко мне. Всех делов!

Из опрокинувшейся бутылки тихо журчала на пол водка. Я отпрыгнул назад, естественно, попутно нагнулся и поднял бутылку, недовольно заметив ему:

– Экий ты, Валерка, нескладень! Сколько добра зря перевел... – Я уселся в кресло, ни на миг не отводя взгляда от лежащего на паркете охранника, с удовольствием выпил стоящую на столе рюмку водки. Ласково спросил, кивнув на экран телевизора: – Ты видел, как я стреляю?

Валера вяло пошевелил пересохшими губами:

– Не убивайте... пожалуйста...

Я пожал плечами:

– Направление мысли правильное. Но не преувеличивай... От тебя зависит! Николай Иванович – кто?

– Он из службы безопасности «Бетимпекса»...

– О-о-о! – восхитился я. – Неслабая контора заботится обо мне. Настоящие гуманитарии! Ты сам-то – в штате?

Одновременно я обшаривал карманы его висящего на стуле пиджака, достал портмоне, связку ключей, запасную обойму, платок, разнообразную мусорную мелочь, вытряхнул на стол содержимое бумажника – довольно много денег. Их я отложил в сторону.

– Никто из нас не в штате... Мы в охранном агентстве «Конус». А к «Бетимпексу» как бы не имеем отношения. И связи с Николай Ивановичем у меня нет...

– Понятно, – кивнул я. – То есть если я тебя сейчас стрельну или завтра мы вдвоем шамальнем кого-нибудь, а потом ты угрожаешь меня, все эти страсти для «Бетимпекса» – бим-бом? Концов нет?

– Выходит, так... – обреченно сказал Валера и сделал неуверенную попытку приподняться.

– Ну-ну-ну! – Я поднял ствол. – Ты, сынок, лежи, где тебя уронили. У тебя был трудный долгий день, тебе нужен покой. Брюки только мои отдай...

Под прицелом охранник стащил с шеи брюки и бросил мне через комнату. Натягивая портки, я перекидывал из руки в руку пистолет, чтобы не выпустить этого остолопа из поля стрельбы ни на долю секунды.

– Ты уж извини, друг, я понимаю, что ты с моими портками сжился, как с родными. Но они мне пока нужны: тут такой дурацкий обычай, можно сказать, народная традиция – на людях ходить в штанах...

Поднял с пола свой муаровый пиджак и разложил по карманам со стола все нужное, пересчитал пачку денег.

– Деньги, надеюсь, не твои. Казенные?

Валера молча кивнул.

– Ну, слава богу! «Бетимпекс» – организация зажиточная, спишут на представительские расходы. Тебе моя расписка не понадобится, они тебе на слово поверят. Вставай! – скомандовал я и показал на здоровенную сумку-баул в углу номера. – Ну-ка, собери все добро со стола...

Валера, испуганный и злой, с угрюмым сопением собирал и аккуратно укладывал в сумку деликатесы и выпивку. А я пока внимательно рассматривал сотовый телефон, который оставил мне Николай Иванович. Включил, послушал долгий протяжный гудок, засветился зеленоватый экран на электронном табло, но звонить отсюда я не стал, выключил телефон и опустил в карман.

В этот момент охранник, взбесившийся шестипудовый зельц, бросился на меня.

Вот, господи, напасть какая!

Здоровенный мясной дурак, обученный приемам рукопашного боя с мирными безоружными фраерами, попросту не представляет скорость реакции олимпийского чемпиона. А может быть, глядя на меня, он не мог поверить, что этот замурзанный, худой, обросший щетиной лагерный чмырь и есть тот самый знаменитый чемпион? Или страх перед улыбчивым Николай Ивановичем в нем сильнее угрозы пистолета в руках беглого оборванца?

Охранник не преодолел половины разделявшей нас дистанции, пока я дважды нажал спусковой крючок – выстрелы ударили коротко, негромко. Валера падал долго, мягко. Будто ватную куклу подхватил я его на руки и тихо опустил на пол.

Вот дурачье! Свинопасы серые! Ничего не умеют...

Пистолет положил в карман, салфеткой обмотал ладонь, плеснул на нее водки, быстро протер подлокотники своего кресла, стол, ручки на двери в ванную. стакан и рюмку, из которых пил, бросил в сумку, огляделся, подхватил баул, выключил свет и вышел в коридор. Притворил дверь, повесил на ручку гостиничную табличку «Прошу не беспокоить». И ушел.

Александр Серебровский: Рукоположение

– Все равно не понимаю! – помотал головой Ордынцев.

– А чего тут понимать? – усмехнулся я. – Ты там, у себя, наверное, читаешь «Пари-матч», а надо читать Гёте...

– Бу-делано, – отрапортовал Серега и отдал мне честь. На правом запястье мотнулся его браслет-амулет – шесть пулек в кованой золотой цепочке. – Сегодня перед сном сразу же подчитаю маленько Гёте. Только скажи, с какого места, чтоб врубиться поскорее. Спиши слова, как говорится...

– «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», – со значением сказал я.

– Ага! Понял! – кивнул Сергей и участливо спросил: – Не наоборот?

– Как случается... Иногда получается наоборот, – пожал я плечами.

Серега посмотрел сквозь бокал на пляшущий в камине огонь и совершенно твердо разочаровал меня:

– Не стану я, пожалуй, читать на ночь твоего заплесневелого дедушку Гёте...

– Что так?

– Он ведь, помимо баловства стишатами, был, кажется, премьер-министром в какой-то там Вюртембургской Швамбрании. А из поэзии заведующих мне больше по душе творчество нашего бывшего премьера Виктора Степаныча. Есть у него душераздирающее место, когда Мефистофель предлагает ему душу в обмен на «Газпром», а Черномырдин говорит: «Я – часть той силы, что вечно хочет блага и вечно совершает как всегда!...»

Я захохотал:

– Дурак ты, Сережка! Правильно про вас, ментов, говорят: ничего святого, кроме зарплаты.

Серега истово перекрестил пупок:

– Только от испуга, господин президент! Мне с непривычки показалось, что жизнь страшноватая.

– Ну, это ты не прав! Жизнь замечательная! В России сейчас самый шумный карнавал за всю историю. Удивительная, похожая на сон шикарная оргия! Людям при коммуняках было невыносимо скучно. Жизнь была серая, как солдатское исподнее...

– А сейчас?

– А сейчас – невероятно интересно! Люди громадные деньги крутят, все суется и торгуют, ловчат и развлекаются! Тучи «мерседесов», ночные клубы, бардаки, наркота и пьянь, стрельба и взрывы – бандиты кого-то все время мочат, – невозмутимо пояснил я. – Всегда война – не слишком опасная, не очень кровавая, но жутко прибыльная...

– Любопытно, – покачал головой Сергей и серьезно спросил: – Шахтеры, учителя, врачи, которым не платят зарплату, тоже веселятся на этом карнавале?

– Вряд ли. Но они присутствуют на этом празднике. И видимо, одобряют...

– С чего бы это?

– Если бы не нравилось – они бы прекратили эту гулянку. Они все – избиратели в свободной стране. Но все избегают резких движений – всем есть что терять. И вообще, не радей ты, Христа ради, за народ – это выглядит смешно...

Сережка хмыкнул, потряс льдинки в бокале, и пульки в его браслете глухо стукнулись. Так же серьезно он спросил:

– Санек, а что в этом смешного?

– В любой придури есть нечто смешное, – сказал я. – Ты свое сострадание народу отправляешь шифровками из Парижа – это придуришь...

– Из Лиона, – поправил Серега. – Моя контора в Лионе. Улица Шарля де Голля, дом двести.

– Тем более, – заверил я его. – Вот давай выйдем с тобой на улицу и побредем, как калики перехожие, и весь встречно-поперечный народ российский будем спрашивать: ой вы, гой еси, добры молодцы, сограждане наши дорогие, компатриоты любимые! Не хотите ли вы с завтрава

стать лицами швейцарской национальности? Али любезнее вам быть датчанами? Судьба вам будет сладкая – сытая, спокойная, тихая. Как думаешь, согласишься?

– Не знаю...

– А я знаю. Пошлют они нас с тобой – дальше не бывает. Потому что знают: богоносничать там – ни боже мой! Воровать – ужасно невозможно. Пьянствовать – только попробуй! За Ампиловым по улице бегать – только на карнавале. Вот и ответь по совести: так жить можно?

Сергея заметил:

– Вообще-то говоря, я и живу в этих обстоятельствах. И жизнь эта бывает часто мучительна...

В кабинете было очень тихо. Только дрова потрескивали в камине. Сполохи пламени перебежали по дубовым панелям стен, жарко мерцали отблески на ковре винно-красного цвета, вспыхивали на золоте старых картинных рам. Я люблю эти полотна. Старая русская школа – Боровиковский, Венецианов, Тропинин. Я держу их не из-за цены. Пусть они будут у меня.

Мы молчали долго, а потом Сергей, механически покручивая на руке свой заговоренный браслет, тихо спросил:

– Слушай, Хитрый Пес, а где брат твой – Бойко?

Вот он и наступил, этот тягостный и отвратительный момент – время разговоров, откровений, воспоминаний, – все, что я так ненавижу и к чему приговорен неотвратимо, ибо имя мне – безвинно проклятый Мидас.

И сказал я как только мог просто и ровно:

– Не брат я больше сторожу моему... Не знаю. Пока не знаю...

– А узнаешь? – напористо спросил Сергей.

– Конечно. Я это должен знать...

– Почему? Вы же больше не братья?.. – И спрашивал он меня не как друг, а как мент.

– Потому что он хочет убить меня, – уверенно сказал я.

Долгая пауза повисла в сумеречно освещенном кабинете. Такие паузы умеют строить только Станиславский и наш президент Борис Николаевич – эмоциональная дыра, когда конец прошлой фразы забыт, а новая еще не придумалась.

– Ты боишься? – спросил Сергей.

– Нет, – покачал я головой.

Как это можно объяснить? Я ведь действительно не испытываю страха. Какое-то совсем другое, противное чувство ощущения опасности, животной тревоги...

– Вообще-то, меня несколько раз пытались убить. Да руки короткие, – сказал я.

– А почему ты думаешь, что Кот хочет убить тебя? – Сергей пристально всматривался в меня, словно психиатр, принимающий решение: симулянт или полный чайник?

– Я знаю.

– Но вы же были как братья?! Мы же друзья были! – почти крикнул Ордынцев, и я услышал тоску и боль.

Я неопределенно хмыкнул:

– Выражаясь научно, бизнес и дружба – явления разнохарактерные. Как соленое и квадратное... К сожалению, у богатых не бывает друзей.

– Из-за этого ты меня вызвал в Москву? – Сергей помолчал, подумал и ответил себе на собственный вопрос: – Да.

Он сделал большой глоток коньяка, откусил кусочек меренги, простодушно спросил:

– Посоветоваться со мной не хотел?

– Нет.

– Ну там, знаешь, как бывает – спросить моего согласия?

– Нет, Сергей, времени нет советоваться. Я не сомневался, что ты согласишься.

А он смотрел на меня с искренним удивлением:

– Но почему? Почему ты так уверен?.. Ведь дело это...

Я перебил его:

– Потому что так будет правильно! Серега, ты уж поверь мне! Я – системный математик, а по профессии – бизнесмен. Я оцениваю ситуацию проверенными формулами, где вместо непредсказуемых человеческих чувств подставлены цифры реальных фактов...

– И в какую формулу ты подставил мое неполученное согласие? – спросил он без подначки, без вызова. С каким-то грустным любопытством.

Я катал по столу стакан, раздумывая, как объяснить внятно невероятную сложность происходящего, и, понимая невозможность растолковать что-либо даже близкому и любящему человеку, медленно и жестко сказал:

– Это очень длинная формула. Если ее записать на бумаге, получится занимательный роман...

– А если коротко?

– Коротко не получится, – вздохнул я. – Но решение любой проблемы – это поиск разумного равновесия включенных в нее интересов. Серьезный бизнесмен способен разрушить глупый парадокс, будто овцы не бывают целы, если волки сыты...

– А еще проще? – досадливо переспросил Серега. – Излагай на моем, на ментовском уровне.

– Не придуривайся! – поморщился я. – Будет ужасно, если моя ретивая служба безопасности пристрелит Кота...

– Это будет ужасно, – согласился Ордынцев, глотнул коньяка и сочувственно вздохнул. – Я думаю, что твоя служба безопасности не пристрелит Кота. Промахнутся...

– Мне кажется, ты их недооцениваешь.

– Возможно, – развел руками Серега. – Я ведь их не знаю. Но насколько я знаю Кота, он не даст им прицелиться.

– Хочешь сказать, что скорее Кот пристрелит меня? – спросил я его с интересом.

– Я это допускаю, – мотнул башкой Сергей.

– Это будет еще хуже, – сказал я, а Серега откровенно заухмылялся. – Что ты смеешься, дурачок! Я кормлю около миллиона человек. Умру, и вмиг разрушится все, что я построил. Нельзя мне умирать, нельзя...

– Это я понимаю! – засмеялся снова Сергей. – Совершенно нельзя и абсолютно неохота! Но я-то тебе зачем сдался?

– Встать между Котом и мной.

– Заманчивое предложение, ничего не скажешь! И как ты это себе представляешь?

– Я возьму на жесткую сворку свою службу безопасности, а ты найдешь Кота и прикроешь меня, – твердо сказал я.

– А что обо всем этом скажет мое начальство? – поинтересовался Серега.

– В подробности мы их посвящать не станем, а, в принципе, они охотно поддержат твои усилия. Я говорил с твоим министром.

Ордынцев растерянно смотрел на меня.

– Знаешь, Сань, я, наверное, маленько зажился за рубежами. Что-то я не врубаюсь во многие вещи...

– А что тут врубаться? Одним звонком я могу поднять сто лучших сыскарей страны. Завтра могу вызвать охрану из агентства Пинкертон. Но мне нужен ты...

– Лучше всех, что ли? Тоже мне – комиссара Мегрэ сыскал!

– Не знаю, может быть, ты и не лучший. Но ты – единственный, кому я доверяю. И единственный, кому поверит Кот Бойко...

Кот Бойко: Приятная необязательность ночных разговоров

До тошноты мне хотелось добраться до места и бросить якорь, а все равно не поддавался себе и монотонно командовал водиле:

– ...теперь направо, ага, возьми налево, еще квартал вперед, вот этот дом объедем и чуток направо...

Водила оборачивался ко мне и озабоченно спрашивал:

– Так мы же здесь уже были никак?

– Нет, тут мы не были... Обман зрения – тут ведь все дома и кварталы одинаковые.

И поношенная, серая, как крыса, «шестерка» продолжала петлять в лабиринте жилых коробок спального района Теплый Стан. Ночь, неуверенные огни желтых фонарей, пусто и тихо на улицах, сонно шелестит тополиная листва в скверах, редкие освещенные окна в домах – в спальном районе спят.

Решив, что теперь водила и на Страшном суде не сможет показать, где я вылез, скомаандовал остановку:

– Эй, земля, тормози лаптем! Приехали... Тут, на уголке, прижмись.

Протянул деньги, водила быстро пересчитал, восторженно заблекотал:

– Ну-у, побаловали, господин хороший! Спасибо!

– На здоровье! – Я выбрался из тесной машинки со своим здоровенным баулом. – Рад помочь развитию малого бизнеса столицы.

– Да какой там бизнес! – усмехнулся водитель. – Я, вообще-то говоря, инженер. Смех сказать – сплошная вялотекущая бедность... Вот эта лошадка только и кормит!

– Не грусти, мы еще увидим небо в алмазах. Якутских... – пообещал я ему уверенно и попер свою неподъемную сумку к дому. Водитель, до глубины инженерной души растроганный «бетимпексовскими» деньгами, высунувшись из окна, крикнул:

– Вы хоть номер корпуса знаете, подъезд? А то давайте помогу...

– Да вон он, тут он, родимый... – показал я рукой и открыл дверь подъезда.

«Шестерка» завизжала своим раздолбанным сцеплением, сорвалась с места и помчалась по длинному пустому проезду с такой скоростью, будто ночной инженер-извозчик опасался, что я могу вернуться и отобрать деньги безвременно усопшего сторожевого мерина Валеры.

А я долго глядел ему вслед через стекло входной двери, дождался, пока габаритные огни машины исчезли из виду, и вышел из парадного снова на улицу. Огляделся, прислушался – было тихо и пусто. Тогда пошел через дорогу в другую сторону – к домам напротив.

В непроницаемо черной тени большого мусорного контейнера я остановился, достал из кармана сотовый телефон. Замечательная игрушечка! Включил, нажал светящиеся кнопки цифр. В маленьком пластмассовом тельце бушевала тайная, удивительная жизнь – он тихонько попискивал и шуршал, он испускал невидимые трассирующие очереди сигналов, которые неощутимыми, но очень прочными нитями должны были меня с кем-то связать, мне что-то навязать и как-то круто повязать. Потом на зеленоватом подсвеченном экране всплыли четкие цифры: 717–77–77.

Гудок, еще гудок, и как через треснувший картон – приволокли ко мне электронные ниточки хрипловатый голос:

– Слушаю...

– Николай Иванович, прости, это тебя Кот Бойко беспокоит... Ты велел звонить, если что...

– Что-нибудь случилось? – В его голосе полыхнула тревога.

– Как тебе сказать... Парню твоему, Валерке, плохо стало...

– В каком смысле?

– В прямом. Мне кажется, он умер...

– Что-о? – Электрончики в трубке возбужли в алый, кипящий гневом и испугом шар.
– Что слышал. Сначала был очень здоровый, а потом стал совсем мертвый...

Николай Иваныч помолчал несколько минут, в телефоне, как в трубочке стетоскопа, было слышно его тяжелое сдавленное дыхание, потом грозно спросил:

– Ты понимаешь, что ты натворил? – И говорил он так сердито и так страшно, что я испугался, как бы телефончик от такой страсти не разлетелся мелкими дребезгами.

– Нет. Не понимаю.

– Вот и мне кажется, что ты этого не соображаешь. Ты где? Надо срочно встретиться!

– Прекрасная мысль! Я уже соскучился по тебе, – засмеялся я вполне доброжелательно. – Мне вообще нравится, что ты такой умный. Жаль, меня за полного козла держишь...

– Да ты послушай меня!.. – крикнул он.

– Остановись! – сказал я быстро, как плюнул. – И не продавай мне больше сидро за шампанское. Ты меня с кем-то спутал. Слушай внимательно: ты пошли чистильщиков в гостиницу, пусть номер приберут, намарафетят все это поганище. «Бетимпексу» и тебе лично такая вонь без надобности. А меня ты не отлавливай – произойдет большая бяка...

– Ты черный, страшный человек, – жалобно-зло сказал Николай Иваныч. – Плохо кончишь...

– Не преувеличивай! – усмехнулся я. – Мы все кончим более-менее одинаково... А засим, как говорят на автоответчике, абонент временно недоступен...

Он что-то там разорялся еще, телефончик прыгал в моей руке. Он был живой. Он брызгал в меня электронными слюнями. Маленький, а злой какой! С размаху бросил я его на асфальт, для верности топнул по трубочке каблуком, поднял расплющенный корпус и швырнул в мусорный контейнер.

И с легким сердцем пошел я в непроницаемый сумрак бесконечных, соединяющихся друг с другом дворов.

**МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СРОЧНОЕ СПЕЦСООБЩЕНИЕ
От оперативного дежурного ГУВД г. Москвы**

Около двадцати одного часа на Московской кольцевой автомобильной дороге в районе сорок шестого километра совершено нападение на милицейский конвой, этапирующий из аэропорта Шереметьево-2 экстрадированного из Франции преступника, гражданина России Василия Смаглия. По имеющейся неподтвержденной информации с места происшествия, начальник конвоя подполковник Фомин и три сопровождавших Смаглия офицера погибли. Арестованный Василий Смаглий скончался в машине «скорой помощи». По показаниям очевидца на месте происшествия, нападение было осуществлено тремя машинами: «опелем-астра», полуфургоном «газель» и неустановленной марки большим тяжелогрузным грузовиком. Государственные номерные знаки автомобилей не установлены. Экипаж автомобиля сопровождения ГИБДД – старшие лейтенанты Жуков и Орешкин – тяжело ранены и доставлены вертолетом санитарной авиации в госпиталь Министерства внутренних дел.

Вся поступающая информация будет незамедлительно передаваться в министерство.

Ответственный оперативный дежурный по г. Москве

полковник Н. Сорокин

Москва, 21 час 27 минут

15 июля 1998 г.

Сергей Ордынцев: Корпоративный контекст

Когда мы шли по коридору офиса, один охранник топал перед нами, а двое – в нескольких метрах за спиной. Я спросил Сашку:

– Скажи на милость, тут-то они зачем? На этот этаж посторонних не пускают.

– Понятия не имею, – пожал плечами Серебровский. – Я не могу перепроверять действия всех моих служб, я обязан доверяться профессионалам. У режимщиков наверняка есть какие-то соображения...

Сашка без стука открыл какую-то дверь – просторный, в строгой офисной красоте кабинет. Непрерывно дышит, тихонько пощелкивает компьютер, стрекочет-выщелкивает распечатанные странички принтер, радиоприемник на милицейской волне хриплой скороговоркой, отрывистыми позывными создает постоянный негромкий бурчащий шум.

И во весь этот деловой интерьер был очень точно вписан крепкий, военно-выправленный мужик в партикулярном темно-сером костюме с очень знакомым лицом. Ба-а! Не может быть!..

– Привет, Кузьмич! Привел к тебе своего старого друга. – Серебровский сделал шаг влево, пропустил меня вперед, и я в некоторой растерянности остановился посреди кабинета, неуверенно прикидывая – поручаться, откозырять, заключить в объятия?

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – сказал я вяло.

Цивильный генерал подошел, обнял за плечи, с ласковой усмешкой сказал нараспев:

– Запаса, Сережа, генерал-лейтенант запаса. Пенсионерить скучно и неудобно. Вот я здесь у Александра Игнатьевича и пребываю на покое...

Этот ласково-мягкий тон напряг меня – генерал Сафонов похож на закончившего с отличием церковное училище матерого бульдога.

– Ну-ну, не прибедайся, Алексей Кузьмич! – со смешком заметил Серебровский. – На покой только архиереи безгрешные уходят. А ты у нас, как бронепоезд, – на запасном пути...

– Как я погляжу, – сказал я ему, – у вас тут черт не разберет, где пути магистральные, а где – запасные...

– Фу, Серега, не говори как иностранец – «у вас», «у нас»! – все так же мягко, но очень уверенно поправил меня Алексей Кузьмич. – У нас! Только «у нас»! Здесь все радости и горести – все наши...

– И не вздумай спорить, Верный Конь! – хлопнул меня по плечу Сашка. – Кузьмич – вице-президент и шеф службы безопасности. Он, как бывший замминистра, знает столько, что и мне не все сообщает... А, Кузьмич, правильно говорю?

Серебровский пронзительно вперился в генерала, смотрел без улыбки, и нельзя понять было, шутит он шутки или всерьез предупреждает его.

– Обижаешь, Александр Игнатьич! – притворно возмутился генерал. – Мусором, пустяками стараюсь тебе голову не засорять, зря нервы не трепать.

– Ага, я так и понимаю это, – процедил Серебровский. – Я схожу в дилинговый зал, а вы тут пока пошепчитесь...

– Сердится, – мотнул головой Кузьмич в сторону закрывшейся двери и тяжело вздохнул. – Конечно, прав он, крупный кикс мы сделали...

– В чем? – поинтересовался я.

– Проблема у нас, – озабоченно забурчал Кузьмич. – Недоглядели мы Кота Бойко.

– То есть?

– Ему еще два года сидеть было. Год, десять месяцев, двенадцать дней. Там он у нас был под приглядом, – вздохнул Сафонов. – Не отследили мы ситуацию...

– Не пришибли, что ли? – поинтересовался я.

– Нет, так вопрос вообще не ставился. Но Гвоздев, хозяин «Бетимпекса», сумел ему вернуть помилование. Ну, мол, с учетом личности осужденного, выдающихся прошлых заслуг и примерного поведения. Через комиссию по помиловке и Администрацию Президента продвинули мгновенно и бесшумно...

– А что, у Кота действительно было примерное поведение?

– Ага, как же! – зло крякнул генерал. – Примерное поведение! Бойко с первого дня – вождь лагерной отрицаловки! А мы ушами хлопали, пока Гвоздев шустрил под ковром... Срам!..

– А зачем это «Бетимпексу»?

– Как зачем? – удивился вопросу Кузьмич. – Тебе Серебровский еще не объяснял?

Я покачал головой – не объяснял.

– Гвоздев – это наш Гитлер, – сообщил Кузьмич с чувством. – Гвоздев – акула империализма, коммунист, враг народа, политическая проститутка, наймит сионизма, фашист, уголовник, миллиардер и бессовестная гадина...

– Понятно, – засмеялся я. – Одним словом, ваш основной конкурент и враг. Зачем ему Кот?

– Не «ваш», а «наш»! Наш враг! – напомнил напористо Кузьмич и взял со стола потрепанную папку. – Это копия лагерного дела Бойко. Опустим детали... По донесениям лагерной агентуры, Бойко неоднократно грозился убить Серебровского, как только окажется на свободе. Я думаю, что в устах Бойко это не пустые угрозы. Наверняка Гвоздев потратил сумасшедшие деньги, чтобы выпустить Кота на боевую тропу.

– Как вы, Алексей Кузьмич, представляете себе развитие событий?

– А чего тут представлять? Как доска просто... Они будут держать Бойко на коротком поводке – ему нужны укрытие, деньги, транспорт, оружие. Реальной связи с «Бетимпексом» они ему никогда не дадут, он вообще может не знать, кто его наниматели. Им важно вывести его на покушение, тогда дело, можно сказать, сделано...

– Для этого покушение должно быть успешным, – осторожно заметил я.

– Совсем необязательно, – отрезал Кузьмич. – Удачное покушение – это для них предельный успех. Если оно удалось, в тот же день Бойко угрожают – шандец котенку, больше никаких концов нет. При этом надо помнить, что в любом случае во время покушения наши бойцы набьют Кота свинцом, как водолазный башмак. Допрашивать некого будет, следов, поверь, тоже не останется...

– Не понимаю, Алексей Кузьмич: им же Серебровский нужен, а не Кот!

Генерал помолчал, задумчиво побарабанил пальцами по столу, потом негромко спросил:

– Тебя самого никогда охотники за флажками не гнали? Облаву на себя представить можешь?

– Только в общих чертах...

– Тогда и я в общих чертах постараюсь объяснить тебе кое-что. Серебровский – отечественного разлива финансово-промышленный магнат, их у нас еще олигархами кличут – для убедительности. Ежедневно ему приходится принимать решения ценой в десятки или сотни миллионов, и от их правильности зависит жизнь невероятного количества людей.

– Вот как раз эту часть мне Серебровский объяснил, – признался я.

– Но он тебе, наверное, не объяснил, каково принимать эти решения, когда в затылок тебе наведен карабин... Вот для этого Гвоздев выволок из клетки вашего боевого Кота.

– И что, вся ваша грозная контора не может обеспечить безопасность Серебровскому?

– Раньше – могла.

– А теперь?

– Теперь – не знаю. Два новых обстоятельства возникли. Первое – Бойко. Там, у Гвоздева, сидят ребята не пальцем деланные, вызволить Бойко на оперативный простор – это они гениально удумали...

– В чем гениальность-то?

– В том, что Бойко – не вонючий наемный киллер. Сейчас киллеров в Москве толчется, как раньше лимитчиков... Вопрос цены. Но как бы магнаты ни воевали между собой, никто из них не станет нанимать на конкурента киллера – риск катастрофического скандала слишком велик. А Бойко – самонаводящееся оружие. Наши психологи сделали анализ – психодинамическая модель называется.

– Кот бы умер от хохота, кабы знал...

– Может быть. От хохота приятней, чем от пули. Правда, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий, – мрачно сообщил генерал.

– И что эта самая модель показала?

– Максимальную степень опасности. Установить какую-то связь Бойко с «Бетимпексом» будет практически невозможно. Бойко – стрелок высочайшего класса, оптимально подготовлен физически, он спортсмен мирового уровня. Двадцать пять лет дружил с Серебровским и знает его, как самого себя. И самое главное – он не корыстный наемник. Он упертый двужилистый чемпион, и цена победы ему безразлична. Ему важно это сделать, доказать, победить! Сейчас он живет одной сверхценной идеей – показать всем, что он разрушил магната Серебровского! Что он – Кот Бойко – сильнее хитрости, денег, власти. Он – судьба! Его цель – это и есть Божья воля...

– Алексей Кузьмич, это вы так думаете или это модель ваших психологов? – спросил я осторожно.

– Так думают психологи. Мне пока нечего им возразить.

– А какое второе обстоятельство? Вы говорили о двух обстоятельствах...

– Второе – самое главное. Раньше я бы от Бойко как-нибудь отбил – и намордник бы ему нацепил, и босса прикрыл. Но Серебровский решил участвовать в губернаторских выборах, а вот это – полный ахтунг! Публичный политик на выборах не может быть стопроцентно прикрыт. На выборах он привлекательная и легкая мишень.

– Это я понимаю. Митинги, хождения в народ, пресс-конференции, массовые гулянья...

– Вот именно. Это просто. Шведский стол для киллера – выбирай что нравится... У нас свободная страна, а в свободной стране политик должен быть доступен всем. И убийце...

– Вы не пробовали это объяснить ему?

Кузьмич засмеялся:

– Я не знаю случая, чтобы кто-либо когда-нибудь в чем-то переубедил Александра Игнатьевича Серебровского. Он свои решения не пересматривает. Если бы это было возможно, он бы не вызвал тебя в Москву.

Я поинтересовался:

– А соперники на выборах у него серьезные?

– Довольно серьезные, – вздохнул Сафонов. – Главный противник – нынешний губернатор. Воруга, финансово-политический бандит. Он со своими прихвостнями там все растащил, они край до вечной мерзлоты выгрызли...

Милицейское радио затрещало громче, и сипловатый голос дежурного внятно сообщил:

– Внимание! Внимание!.. Всем постам, службам... Объявляется операция «Перехват»... На сорок шестом километре Московской кольцевой дороги совершено вооруженное нападение на милицейский конвой, перевозивший опасного преступника. Имеются убитые и раненые. Предположительно нападавшие скрылись в направлении Алтуфьевского шоссе...

Кот Бойко: Москва, Теплый Стан, «Шератон»

На полутемной лестничной клетке седьмого этажа, где стояли картонные коробки, сломанные детские велосипеды и утлые остатки продавленного дивана, а атмосфера вплотную приближена к Юпитеру – ни грамма кислорода, только запах старой космической пыли, желтые вихри мочевины и метановые облака из капустных шей, где царила тишина обморочного сна и вялого шуршания коммунальной нежити, – вот в этой приподнято-праздничной, нарядно-красочной обстановке я и закончил наконец свою кругосветку.

Как какой-нибудь там Магеллан, вышел я отсюда года три тому назад и отправился вокруг света. Кстати, тогда тоже не было фанфар, транспарантов, шампанского, орудийного салюта.

У этой стартовой линии для столь героического похода было всего лишь одно преимущество – маленькое, но весомое. О существовании квартиры номер 79, перед дверью которой я присел обессиленно на замученный диван, не знал ни один из моих знакомых.

Я совершенно не настаивал на всей этой помпезной прощальной суете и шумихе – может быть, потому, что в моем скромном атташе-кейсе лежали зубная щетка, роман Полины Дашковой, электробритва «Браун» и карта Острова сокровищ. Ну, естественно, не пожелтевший пергамент с рисунком кривого куска тверди с долготой, шириной и золотым жуком в пустой глазнице черепа. Ежу понятно!

Нет, конечно! Да и ценности, которые искали одноногий Сильвер и Билли Бонс, были денюжки вполне даже пустяковые, средневековые, как бы несерьезные.

Моя карта имела вид довольно толстой папки с пропастью всяких документов – платежки, гарантии, официальные поручения, титульные списки фирм и организаций, копии правительственных постановлений, решений, разрешений и указаний. Короче, это была о-очень серьезная карта целого архипелага сказочных островов офшорных сокровищ.

Смешно – в то утро я уехал отсюда на леваче, так же как и приехал сейчас. Судьба, наверное.

Маршрут боевой и трудовой славы – Шереметьево-2, Франкфурт, Париж, Нью-Йорк, Кайманы, Гонконг, Москва. Когда меня взяли на въездном паспортном контроле в аэропорту, карты со мной уже не было. Да и вряд ли она бы помогла кому-нибудь – сокровища были откопаны, расфасованы и презанычены.

Господи, какое счастье этот современный финансово-электронный прогресс! Хорош бы я был, таскаясь по миру с десятью тоннами всяких там пиастров, дублонов, цехинов и прочих гиней!..

Так и поехал налегке из Шереметьево в Лефортовскую тюрьму, потом в Бутырки, оттуда в спецколонию № 11 Пермского областного управления исправительно-трудовых учреждений, пока сегодня меня не доставили обратно в Москву, погуляли в шикарной гостинице, а уж после этого довелось мне добраться на «шестерке» крысиного цвета сюда – на финишную отметку моего увлекательного путешествия.

И в точном соответствии с жанром сумасшедших гонок я почувствовал, что у финишной ленточки силенки, видимо, кончились совсем.

Я подтянул к себе ближе свой огромно-неподъемный баул, держась за ручку, как за поручень, рывком поднялся с чужого дивана. Тело, намученное, загнанное за сегодня, выло пронзительно, тонко плакало и жалко стонало. Тело вело себя недостойно – я не уважал его. Я знал, что это позорное поведение тела – от страха. Оно боялось, что за дверью никто не ответит на звонок. Я сказал скулящему телу, своей якобы могучей тренированной плоти – плевал я на тебя! И на твои пустые страхи!

И нажал на пуговку звонка. Длинно, нахально. Как бы уверенно. Как к себе домой.

Шелест шлепанцев в прихожей, приглушенный шелчок выключателя, писклявый и нахальный голос за дверью:

– Ну, кого там среди ночи несет?

– Ужин из ресторана заказывали? – строго спросил я.

– Что-о? Совсем охалпели... – Дверь распахнулась. Вот оно – длинное, худощавое, золотисто-рыжее, конопатое, востроносое, с модными кручеными дужками очков, в джинсовых рваных шортах и короткой маечке – не то повязка на сиськах, не то просторный лифчик. А из-за ее спины, из комнаты будто звуковой пар вздымается музыкой – кричит, ликует и страстно жалуется в эфире Любовь Успенская: «Пропадаю я, пропадаю...»

Не верю! Это я пропал, пропал, да, видно, не судьба мне пока – выбил дно и вышел вон.

– Ты кто? – спросила она, улыбаясь еле-еле заметно, только уголочками губ.

– Кот в пальто.

– Ага! Пальто, наверное, в этом роскошном портпледе?

– Как же! Личные вещи следуют отдельно международным багажом. Что с местами в вашем «Шератоне»?

– Зависит от срока проживания...

– На часок. На денек. На неделечку... А?... – Я стоял, опершись плечом на дверную раму, с удовольствием глядя на нее. Наверное, единственного человека, который ждал меня в этом злом и отчаянном городе.

– Если надолго – скидка полагается. Предпочитаю – навсегда... На всю жизнь...

– Для меня часок – это и есть навсегда. А денек – вся оставшаяся жизнь.

Она молча смотрела на меня, вглядывалась пристально, будто все еще не верила себе.

– Можно я тебя покиссаю? – спросил я вежливо.

– Можно, – кивнула она. – Поцелуй меня...

Она взяла меня за лацканы моего измочаленного муарового пиджака, втянула в квартиру, обняла и поцеловала. Господи, Боженька ты мой! Так пьют в жажду холодную воду, так вдыхают чистый воздух в удушье, так смотрят в забытии сладкий сон.

Черт его знает! А может быть, я ее люблю?

Потеряв дыхание, весь трясясь, я сильно прижимал ее к себе левой рукой, забыв, что в правой у меня по-прежнему баул. Она оторвалась от меня только на миг, быстро приказав:

– Да брось ты свой дерьмовый рюкзак!

Ишь ты какая! Брось! Я осторожно опустил свою суму переметную, а ее подхватил на руки, внес в комнату, освещенную зеленой настольной лампой и нервно мерцающим экраном компьютера.

Шикарный однокомнатный «Шератон» в многоквартирной трущобе в Теплом Стане – нежданно-негаданная прибыль на безумный поступок. Это когда я дал ей несколько лет назад – беспомощной, беззащитно-одинокой, бездомной, загнанной, да и мне почти незнакомой, – денег на покупку этой хибары. И мысли тогда не допускал, что станет она стартом и финишем моей кругосветки, а теперь – единственным для меня укывищем, лежбищем и охотничьей засидкой...

Мы двигались по комнате в недостоверном танце, будто плыли под крик Любы Успенской, которая все грозилась пропасть, и глаза мои были закрыты, а она быстро и счастливо бормотала:

– Господи... на часок... на денек... Придурок ненормальный! Зачем ты на мою голову навязался? Счастье ты мое горькое... На всю голову трахнутый... Тюремная морда... Любимый мой...

Я опустил ее на тахту и стал стягивать эту смешную мини-майку, из-под которой вырвались на волю острые, нежно-смуглые сиськи, похожие на спелую хурму. А она, не отпуская

меня, расстегивала пуговицы на моей рубашке, дергала брючный ремень, наткнулась на заткнутый за пояс пистолет.

– Это что? Зачем? – встревожилась на миг.

Я целовал ее и смеялся:

– Будильник. Мой телохранитель дал поносить. На память. Не урони, смотри, на пол – еще стрельнет нам в незащищенные места...

Швырнул через всю комнату башмаки, стоптал с себя брюки, и упали мы в небывалое, невероятное, всегда повторяющееся и каждый раз все более неповторимое счастье самой сладкой, таинственной и взволнованной человеческой игры, превращающей нас в единого зверя о двух спинах.

РАДИОПЕРЕХВАТ

Запись телефонного разговора.

Связь: охранное агентство «Конус» – неустановленный абонент.

Разговор состоялся 15 июля 1998 г. в 21 час 46 минут.

Перехват осуществлен Управлением внутренней безопасности.

Оператор – Ю. Коментов.

Пленка записи изготовлена в 1 экземпляре.

– ...Нет, не бери это в голову, мы к Смаглию не имеем отношения. Это с ним братва разобралась... Не твое это дело. Ты сейчас гони в гостиницу – нашим занимайся... Я там буду... И ищите Кота, найди, хоть из-под земли отрой! Нет, ментов не трогай... Пусть твои ребята говорят с таксистами, со шлюхами тамошними, со всеми швейцарами, прихватите нескольких мелких торговцев наркотой – взгляни, кто там по учетам проходит. Дворники, шофера ночных мусорников... Запомни – он не мог оттуда улететь, он уехал на машине. Это может быть случайный проезжий частник, а может, он калымит там регулярно... Кто-нибудь видел, как Кот садился в кар. Найдите его – как из пушки...

Сергей Ордынцев: Чужденец

В сопровождении охраны мы вышли из подъезда во внутренний двор билдинга «РОСС и Я».

Честно говоря, меня уже сильно раздражала эта орава сытых дармоедов. Из-за опереточной свирепости на розовых ряшках они были похожи на крепостных крестьян, подавленных в лесные разбойники. Но здесь, наверное, считается по-другому. Ничего не поделаешь – this is another World.

Мы нырнули в салон «Мерседеса-600», просторный, чернокожий, уютный, похожий на приемную модного стоматолога. Тяжело чмокнула – пушечным затвором – бронированная дверца. Начальник охраны махнул рукой крепостным, сидящим в головном джипе «форд-экспедишен», прыгнул на переднее сиденье «мерседеса», оглянулся назад – проверил место замыкающего тяжелого джипа, спросил глазами команды Серебровского, дождался разрешающего кивка и сказал в портативную рацию:

– Я – первый! Поехали... Маршрут – четвертый, скорость – штатная, режим готовности – второй, дистанция – два метра.

Из динамиков на передней панели эхом откликнулось:

– Я – третий. Вас понял... Радиорежим – закрытый...

– Я – четвертый. Вас понял ясно...

Просто Колумбия какая-то! Демократия плюс колумбизация всей страны.

На крышах автомобилей сопровождения одновременно вспыхнули синие проблесковые фонари, и кортеж, плавно набирая скорость, выехал из закрытого двора. Створки электрических ворот за нами тяжело, как шлюзы, закрылись. Мощные машины с утробным ревом, глухим жующим рокотом баллонов, звенящим коротким подвизгом сирен лихо погнались по ночной Москве.

...Участок Московской кольцевой дороги, где произошло нападение на милицейский конвой, был забит автомобилями ГАИ, «скорой помощи», стояла пожарная машина, «вольво» телевизионной бригады «Дорожного патруля», автобус дежурной опергруппы с Петровки – множество машин и людей на месте уже завершившейся драмы.

Полотно дороги в восточном направлении было перекрыто, сплошно плясали синие и красные огни, свет фар сотен сбившихся в пробку автомобилей заливал мертвенным сиянием следы разразившегося здесь недавно побоища. Белые халаты пронесли накрытый простыней труп в санитарную машину.

Наш кортеж подъехал по встречной, внешней полосе кольцевой дороги, замедлил ход.

Начальник охраны повернулся к нам:

– Вот здесь это все и произошло...

Я тронул его за плечо:

– Слушай...

– Нет-нет-нет, Сергей Петрович, мы останавливаться не можем. Это без обсуждения! – непреклонно-твердо сообщил охранник.

Серебровский с невозмутимым выражением лица смотрел прямо перед собой, не вмешиваясь в наш разговор. Я подергал несколько раз ручку дверцы – бесполезно, замки заблокированы.

– Сергей Петрович, там уже все кончено, – мягко сказал охранник, он меня успокаивал. – Вы там сейчас ничем и никому не поможете. Там – финиш...

– Не финиш! – зло выкрикнул я. – Это меня касается, я должен был ехать с ними! Останови, я тебе говорю!

– Нельзя! – твердо резанул мой страж.

Я поманил его пальцем, а он готовно наклонил ко мне голову. Я ухватисто взял в пригоршню его ухо и сжал вполсилы. Повернулся к Серебровскому и попросил:

– Саша, вели остановиться, или я оторву ему ухо!

Серебровский усмехнулся, помотал головой:

– Однако! – Помолчал, будто прикидывал для себя ценность охранного уха, и решил похорошему: – Изволь.

Я отпустил ухо не столько напуганного, сколько удивленного охранника, и Серебровский мягко сказал ему:

– Миша, не обращай внимания. В Болгарии иностранцев называют чужденец... Этот у нас тоже пока чужденец. Сходи с ним туда, а мы вас подождем.

Мы вылезли из машины, а Серебровский, приспустив бронированное стекло, сказал охраннику:

– Ты проследи там, чтоб кто-нибудь не подснял нашего шустряка-чужденца...

Кот Бойко: Продавец снов

Мы с подругой лежали обнявшись на тахте, и этот жалобный матрас летел сейчас над миром, как ковер-самолет.

Его несла над этой заплеванной, обиженной землей, над облаками легкой дремы и сладкого полузабытья острая тугая сила моего вождения и ее уже уходящая нежная агония: «О мой родной, лучший мой, единственный...»

Потом Лора оттолкнула меня, взяла с тумбочки очки, надела, и лицо ее сразу построжало, как у училки, проверяющей мою контрольную – грамотно ли все сделал, есть ли в моем сочинении искреннее чувство или только чужие цитаты с ошибками? Долго смотрела она в мое лицо и решила, наверное, что и на этот раз ничего не списывал, не подглядывал, подсказками не пользовался.

– Ты мне снился, урод несчастный.

– И ты мне снилась... Лежишь, бывало, ночью на шконках, вокруг сто двадцать мордоротов храпят, как танковая колонна. Безднадега, вонь и мгла... А я лежу и о тебе, единственной, сладкой, как эскимо, мечтаю...

– Ну что ты врешь, Кот позорный! – засмеялась она. – Мечтал бы – хоть раз открыточку прислал, я бы к тебе приехала...

– Лора, цветочек мой душистый! Декабристка моя хрупкая! Тебе на свиданку в зону нельзя, туда только законных супружниц пускают. А мы с тобой, слава богу, в сплошном грехе сожительствуем.

– К сожалению...

– Не жалею. Представь себе – вот это наше сладкое хряпанье называется супружеский долг! Долг! Как трояк до полочки! Полный отпад!

– Угомонись, тротуарный мустанг! Мне это не кажется таким ужасным наказанием, – недовольно заметила Лора. – Просто тебя бабы разбаловали. От этого тебе нормальная жизнь кажется стойлом.

Я закурил сигарету, потянулся, закинул руки за голову и сказал ей совершенно честно:

– Ошибаешься, подруга, это не разбалованность. Я очень люблю женщин. Понимаешь, не просто факаться люблю, я каждую женщину люблю, как волшебный подарок... Подарок, которым дали поиграть один раз. У меня до сих пор трясется душа, когда я впервые прикасаюсь к женщине. Я люблю первые слова знакомства, я люблю ваши капризы, вашу терпеливость. Вашу верность, память ваших тел, их запах – у каждой свой. Когда я с тобой, я люблю тебя, как часть самого себя... Когда я в тебе – ты для меня как два кубика дури, как сорванный мной впервые миллион, как рекордный выстрел на Олимпиаде... Понимаешь?

– Я люблю тебя, безмозглого вруна. Умираю по тебе! И ничему никогда не верю...

– Зря. Я никогда не вру женщинам. Я их всех любил в момент знакомства так сильно, что хотел на них жениться. Честное слово!.. Но по разным причинам передумывал.

– Больной человек, чистая клиника, – неискренне посочувствовала Лора. – Лечиться надо вам, пожилой юноша!

Я поднялся со своего медленно планирующего на землю ковра-самолета:

– Можно попробовать. Хорошими продуктами. Помогает...

– Ужас! – Лора закрыла лицо руками. – У меня в холодильнике только мед и орехи.

– Одну минуточку! Тебе же доставили ужин из ресторана!

– Послушай, продавец снов! Последний раз мы ужинали в ресторане, когда я решила по дурусти, что ты хочешь на мне жениться. А ты уже передумал... Или думать не собирался...

– Пока не знаю, но, может быть, я снова передумаю, – сказал я и направился в прихожую за своим баулом.

Александр Серебровский: Карнавал самозванцев

Гаишники перекрыли для нас встречное движение, пока машины переползали на внешнюю полосу кольцевой дороги – все, поехали домой!

Сергея заткнулся в угол салона, подавленно и сердито молчал.

– Жаль, что ты мент, полицейский. А не японский поэт. Мог бы написать стихотворение, элегантно танку в стиле дзен, – сообщил я Сереге. – Такого типа: «Ночью я проехал мимо своей могилы. Из тьмы в никуда...»

Ордынцев подозрительно посмотрел на меня:

– Але, а ты почему велел забрать меня прямо из аэропорта? Ты что-то знал?

Меня стал разбирать смех – до чего же люди ни черта не понимают в происходящем вокруг, с ними самими. Но строго и уверенно судят!

– Ты знал? – приступал ко мне Серега.

– Ну даешь! У тебя мания величия! По наивности тебе кажется, что ты к этому имеешь отношение. Все это, – я показал пальцем себе за спину, туда, где медленно исчезало мерцающее зарево, – имеет отношение только к восьмидесяти шести миллионам баксов. Должен тебе сказать, что это о-очень серьезная сумма, и те, кто растырил ее по офшорным банкам, не хотят, чтобы веселый босяк Смаглий тут начал болтать глупости на следствии! Просто ему не надо было попадаться тебе в руки. Вот и все...

– Выходит, если бы я его не отловил... – задумчиво сказал Серега.

– Конечно! – заверил я его. – Смаглий нарушил правила игры – он попался. Проиграл – плати...

– В той игре, что я играю, у меня есть роль. Я – сыщик. А получается, что я еще и судья. И отчасти – палач...

– Не морочь голову! Никакой у тебя отдельной игры нет. И быть не может! – твердо остановил я его. – Мы все играем одну громадную, очень интересную игру, и никого не спрашивают о согласии. Играем все! Постарайся ни к чему всерьез не относиться – мы все на сумасшедшем карнавале самозванцев. Это бал воров с непрерывным переодеванием, все в нелепых масках и чужих костюмах. Гримасы, ужимки, комичные кошмары...

– Там был кошмар настоящий. Там убили моих товарищей, – просто сказал Сергей.

Я перебил его:

– Знаю! Сделай выбор: или глубокая скорбь по этому печальному поводу, или безмерная радость, что тебя там не было. Слава богу, жив. Жив! Радуйся!

– Эта формула не из человеческой жизни, а из мира твоих рвотных цифр...

– Не ври, не ври, не ври! Себе самому не ври. Это и есть человеческая жизнь! Тебе и поскорбеть охота, и ребят очень жалко, и порадоваться за избавление от гибели нужно, а делать это прилюдно неловко...

– А почему неловко? – всерьез спросил Сергей.

– А потому, что мир, в котором мы живем, не требует чувств, а требует только знаков, одни рисунки чувств...

– И что он требует от меня сейчас?

– О, мир гримас и ужимок требует знаков сердечной скорби и страшной клятвы гнева и отмщения! Ты клятву дай и плюнь на все это! Тебе пора взрослеть. Лучше позаботься о себе. И обо мне...

– Сань!

– А?

– Ты стал ужасной сволочью.

– Глупости! С годами люди не меняются... Чуток количественно. Ты, я, Кот Бойко – такие же, как мы были в детстве. Просто выросли...

ЧЕРТИ

У бокового входа в гостиницу «Интерконтиненталь» стоит реанимобиль – мерседесовский автобус в раскраске «скорой помощи». Несколько поздних зевак, скучающий милиционер. Из дверей отеля санитары выносят носилки, на которых лежит укрытый до подбородка

простыней мертвый охранник Валера. Николай Иванович возникает в изголовье носилок, отгораживая их от досужих прохожих. Распахивает заднюю дверцу, носилки вкатывают в кузов, фельдшер говорит громко:

– Инфаркт... Скорее всего – задней стенки...

Николай Иванович захлопывает дверцу. Коротко вскрикнула сирена, реанимобиль помчал мертвого пациента на неведомый погост.

Кот Бойко: Крошка моя

С ума можно сойти – как душевно кормят в «Бетимпексе»!

Лора сновала по кухне, расставляя на столе яства, угощения и выпивку, которые мы добыли из бездонного баула. Они не помещались на столешнице, и Лора их пристраивала в беспорядке на буфете, плите и подоконнике.

В тесном неудобном пространстве она двигалась сноровисто, ловко, я смотрел на нее – сказочное, нездешнее, неотсудное животное, гибкое, быстрое, тонкое, с гривой золотисто-рыжих, будто дымящихся волос, – и каждый раз, как она пробежала мимо, я быстро целовал ее – в круглую поджаристую попку, в грудь, в упругий и нежный живот, в плечи, в затылок. Она тихонько, будто испуганно, взвизгивала, как струнка на гитаре, и вроде бы сердито говорила:

– Ну перестань!.. Сейчас все уроню!.. Не мешай!..

Но любой маршрут прокладывала ближе к табуреточке, на которой я восседал, как давеча Леонид Парфенов, рассказывающий о моих былых подвигах.

А может быть, плюнуть на все и замуроваться в этой фатере навсегда? Лора будет мой бочонок амонтильядо. Никогда и никуда больше не соваться...

– Все! Готово! Прошу за стол!

Икра, осетрина, семга, крабы, ростбиф, салаты, овощи, расстегаи к супу и мясо в блестящих ресторанных судках и на подносах. Я вспомнил, что, как наркоман в ломке, второй день во рту маковой соломки не держал, проглотил кусок осетрины и заорал:

– Господи! Наслаждение, близкое к половому!

– Сколько же ты заплатил за это? – усаживаясь за стол, простодушно восхитилась Лора. – Состояние!

– Не преувеличивай... Одно черта пришлось обмануть, а его помощника-балду пришибить. И пожалуйста – кушать подано!

– Ну что ты выдумываешь всегда! – засмеялась Лора. – Наверное, все свои тюремные деньги потратил...

– О да! Я там круто заработал! – серьезно согласился я. – Но за ужин я рассчитывался не деньгами, а безналичными. Можно сказать – опытом.

– Это как?

– Понимаешь, ты не в курсе, есть мировая система финансовых операций – продажа опыта, – глотая огромные куски, просвещал я подругу. – Тюремный опыт – это высоколиквидный капитал для безналичных расчетов. Вроде пластиковых кредит-кард. Если нет налички, платишь из этого капитала. Коли счет невелик – получаешь сдачу...

– Ну объясни мне, Кот, почему ты такой врун?

– Не веришь? Мне – пламенному бойцу за правду? – тяжело огорчился я. – Меня всю жизнь называют Господин Правда. Мистер Тру. Месье Лаверите. Геноссе Вархайт. Коммунисты для своей газеты мое имя скрали, «Правдой» назвались...

Я достал из кармана пиджака пачку Валеркиных денег, показал Лоре:

– Вот сдача за ужин. А ты мне не веришь, крошка моя...

И тут на меня напал приступ неудержимого хохота. Я давился едой, слезы выступили, а я все хохотал неостановимо.

– Ты чего? – испуганно спросила Лора.

– Как раз в тот момент, когда меня упрятали в зверинец, во всех кабаках горланили песню «Крошка моя, хорошо с тобой нам вместе...».

Я вскочил со своей колченогой табуреточки, обнял Лору и стал кружиться с ней по кухне, распевая «Крошка моя, хорошо с тобой нам вместе».

Маленькая моя, несмышленная, бессмысленная, сладкая, глупая совсем. Крошка моя! Кто здесь тебя ласкал и пользовал, кто пел с тобой и танцевал на непроходимой кухне, кто летал на продавленном ковре-самолете? Пока меня не было? Пока меня отгрузили в клетку? Тысячу дней, тысячу ночей! Неужто ждала меня? Это, конечно, вряд ли. Не бывает.

Да и не важно. Я ведь идеалист и знаю наверняка: тысячу дней здесь не было жизни, раз здесь не было меня. И не могла ты здесь хрюпаться тысячу ночей – тебя не было. Я верю в это несокрушимо. Хотя бы потому, чтоб не думать, что делали в эти тысячу ночей мой дружок Александр Серебровский и самая вожденная женщина на земле – Марина.

Марина, моя несбыточная мечта о прошлом. Моя окаянная память о неслучившемся. Моя истекающая жизнь, никчемушная и бестолковая.

Марина, любимая моя, проклятая.

Нет, нет, нет! И знать ничего не хочу! Жизнь – это не то, что с нами происходит, а то, как мы к этому относимся.

Поцеловал Лору и сказал ласково:

– Девушка, дай я тебя покиссаю! Ты и есть та самая беда, с которой надо ночь переспать. Утром все будет замечательно. Мы будем петь и смеяться, как дети...

Сергей Ордынцев: Сладкое обольщение богатства

Галогеновый фонарь вырубал в ночи огромную голубую прорубь – прямо над воротами загородной резиденции Серебровского в Барвихе.

Обзорная телекамера поползла хищным хоботком объектива вслед въехавшим машинам, отковыряли привратники, еще один – внутри караульной будки – быстро шлепал пальцами на электронном пульте.

Подъездная дорожка плавно закруглилась к входу в трехэтажный дом-усадьбу. Охранник у дверей держал на поводке белого питбуля, похожего на озверелую свинью. Телохранители выскочили из машин, начальник охраны открыл дверцу «мерседеса» и протянул руку Серебровскому. Мне не протянул руку помощи – или мне по рангу еще не полагается, или боялся, что я его снова за ухо ухвачу.

Питбуля спустили со сворки, страшный пес с радостным рыком бросился к Саньку, подпрыгнул, положил на миг ему лапы на плечи, лизнул в лицо. Я боялся, что он свалит Сашку с ног, сделал шаг к ним, и тотчас же собака повернула ко мне морду сухопутной акулы и злобно рыкнула, обнажив страшные клыки-клинки.

– Жуткое сооружение, а? – засмеялся Серебровский. – Я его обожаю!

Он гладил собаку по огромной противной морде, ласково трепал по холке, и в движениях его и в голосе была настоящая нежность:

– Ну успокойся, Мракобес, успокойся! Все свои...

– Песик, прямо скажем, малосимпатичный, – бестактно заметил я. – В цивилизованные страны их запрещено ввозить. Так и называют – дог-киллер. Мокрушник...

– За это и ценим, – сказал Серебровский со своей обычной зыбкой интонацией – нельзя понять, шутит он или всерьез, потом взял меня под руку: – Пошли в дом...

Начальник охраны Миша Красное Ухо – за спиной – мягко напомнил:

– Указания?

– Как обычно, в шесть... – уронил Сашка, не оборачиваясь, не прощаясь. А пес-дракон строго «держал место» – правой ноги хозяина.

Я вернулся на пару шагов, протянул руку Мише:

– До завтра. Прости, пожалуйста! Не сердись...

Он улыбнулся, и ладонь его была как улыбка – широкая, мягкая.

– Да не берите в голову. Все на нервах. Я вас понимаю...

Я хлопнул его товарищески по спине, Миша наклонился ко мне ближе и тихо сказал:

– При подчиненных больше меня за уши не хватайте. А то для поддержания авторитета придется вам руку сломать.

Я ему поверил.

Догнал ожидающего меня в дверях Серебровского, который сообщил:

– Мне кажется, он – единственный – любит меня.

– Кто – охранник? – удивился я.

– Мракобес, – серьезно сказал Сашка.

Я испуганно посмотрел на него.

– Не боится потерять работу!.. – хмыкнул Сашка, и его тон снова был неуловимо зыбок.

А в мраморном холле нас встречала Марина, сильно смахивающая сейчас на американскую статую Свободы – в широком малахитовом, до пола длинном платье, но не с факелом, а с запотевшим бокалом в поднятой руке. Посмотрела на меня ласково, засмеялась негромко, светя своими удивительными разноцветными глазами – темно-медовым правым, орехово-зеленым левым, – лживыми, будто обещающими всегда необычное приключение, радостно протянула мне руки навстречу.

Вот баба-бес, чертовская сила!

Она сразу внесла с собой волнение, удивительную атмосферу легкого, чуть пьяного безумия, шального праздника чувств, когда каждый мужчина начинает изнемогать от непереносимого желания стать выше, остроумнее, значительнее – в эфемерной надежде, что именно он может вдруг, ни с того ни с сего стать ее избранником хоть на миг, потому что любой полумудрый ощущает невозможность обладать этой женщиной всегда, с мечтой и отчаянием предчувствуя, что такая женщина – переходящий кубок за победу в незримом соревновании, где талант, случай, характер вяжут прихотливый узор судьбы в этом сумасшедшем побоище под названием жизнь.

– Ну, Серега, как сказал поэт? – спросила Марина. – «Воспомянь нежной грустью...»

– «...меня в чело, как сон, целуют», – закончил я строку и обнял ее, легко приподнял и закружил вокруг себя.

Питбуль Мракобес утробно зарычал, глядя на нас подслеповатым красным глазом рентгенолога. Сашка гладил его по загривку, успокаивая, приговаривал:

– Свои... свои. Умный... умный, хороший пес... Это свои...

Отпустил собаку, подошел к Марине, вполне нежно поцеловал ее в щеку, откинув голову, посмотрел на нее внимательно, как бы между прочим заметил:

– Подруга, не рановато ли стартовала? – и кивнул на бокал.

– Не обращай внимания... До клинического алкоголизма я не доживу, – усмехнулась Марина и взяла нас обоих под руки. – И вообще, Санечка, не становись патетической занудой, это не твой стиль.

Столовая, конечно, – полный отпад. Зал, декорированный под средневековую рыцарскую трапезную. Дубовые балки, темные панели, стальной проблеск старинных доспехов и оружия, кованая бронза, высокая резная мебель, цветы в литых оловянных сосудах, сумрачные красные вспышки камина. Все-таки, как ни крути, а обаяние буржуазии в старинном макияже – оно еще скромнее, еще неотразимее.

– Скажи на милость, – спросил я Марину, – а какой стиль должен быть у нашего выдающегося магната?

– Что значит – какой? – поразила Марина очевидной глупости вопроса. – Он, как египетский фараон, повелитель всего, что есть и чего нет! Санечка наш – над мелочами, над глупостями, над людьми, над жизнью...

Она схватила меня за ухо, как я недавно начальника охраны Мишу, ну, может быть, понежнее, конечно, и сказала громким театральным шепотом:

– Александр Серебровский – фигура надмирного порядка, гиперборейская личность, можно сказать, персонаж астральный...

Сашка невозмутимо заметил:

– Шутка... – Он со вздохом посмотрел на Марину, потом обернулся ко мне: – За годы, что ты не видел Марину, у нее бешено развилось чувство юмора. Имею в семье как бы собственного Жванецкого.

Марина обняла за плечи Серебровского и поцеловала его в намечающуюся лысинку.

– Прекрасная мысль, Санечка! Почему бы тебе не купить в дом настоящего Жванецкого? Представляешь, какой кайф – приходишь домой, а тут уже все мы: Михал Михалыч со своими шутками, я с моей нечеловеческой красотой, Мракобес, мечтающий загрызть кого-нибудь насмерть, вокруг – прекрасный неодушевленный мир обслуги. Просто сказка, волшебный сон! Купи, пожалуйста! Ну что тебе стоит?

– Хорошо, я подумаю об этом, – серьезно ответил Серебровский. – Ты же знаешь, что твоя просьба для меня – закон...

В этом роскошно навороченном буржуазно-антикварном новоделе должна была бы звучать пленительная музыка Игоря Крутого в аранжировке какого-нибудь Вивальди. А я слышал тонкий, приглушенный, задавленный подвизг истерии. Они не хотели гармонии. По-моему, им обоим нравился звук аккуратно скребущего по стеклу ножа.

Я серьезно сказал ей:

– Знаешь, Маринка, если ты будешь так доставать мужа, жизнь ему подскажет парочку крутых решений семейных проблем.

– Не выдумывай, Верный Конь! – махнула рукой Марина. – Нет у нас никаких проблем. Наша жизнь – это романтическая повесть о бедных влюбленных. Или не очень бедных. Даже совсем не бедных. Скорее богатых. Наверное, очень богатых. Но наверняка – чрезвычайно влюбленных. Так я говорю, мой романтический рыцарь?

Она обняла Сашку и легонько потрясла его – так выколачивают монету из перевернутой копилки.

– Абсолютно! Тем более что современному рыцарю достаточно не обкакать шпоры, – невесело усмехнулся Сашка. – Всё-всё-всё, садимся за стол...

Серебровский уселся во главе стола, и в ногах его сразу разлегся с негромким рычанием Мракобес. Мгновенно возникли неизвестно откуда – будто из небытия – два официанта в смокингах, предводительствуемые маленьким шустрим вьетнамцем, который нес в растопыренных пальцах развернутую веером полудюжину бутылок.

– Что коспода будут пить? – любезно осведомился вьет, наклонив прилизанный пробор. – Оцень хорошо сан-сир, легкое шато-марго, монтрашо зевеносто третьего года, к рыбе можно сотерн... К утиной печени «фуа гра» нужно взять молодой бозоле от Зорз де Бёффа...

– Подай ему, Вонг, божоле от Жоржа де Бёффа, – захохотала Марина. – А то он там у себя во Франции всех этих понтов не ловит!

– Приятно обслужить гостя, понимаюсего вкус настоящего вина, – с достоинством сказал Вонг.

– А мне приятно, что в доме моего старого друга служит настоящий сомелье – хранитель вин, – учтиво, стараясь не улыбаться, ответил я.

– Сомелье! Наш сомелье Вонг Фам Трах! – продолжала смеяться Марина, и в ее смехе просверкивали уже заметные искры скандала. – Я помню, как вы с Сашкой бегали ночью покупать водку у таксистов...

Вонг направился к боковому столику, чтобы раскупорить бутылки, но Серебровский мгновенно остановил:

– Я тебе уже говорил, чтобы ты открывал бутылки при мне...

Марина углом глаза смотрела на мужа, потом положила мне руку на плечо:

– Сумасшедшая жизнь!

– Твой муж мне объяснил – нормальный карнавал, – пожал я плечами.

– Ненормальный карнавал, – покачала головой Марина. – Во всей Москве Санек не сыскал дворецкого-японца, пришлось взять вьетнамца, которого мы продаем за японца. Но шутка в том, что те свиные рыла, для которых гоняют эти понты, не отличают японца от вьетнамца, они все на их взгляд – косоглазо-узкоплечные. А Вонг, я думаю, только нас ненавидит больше японцев.

– Многовато разговариваешь при службе, – отметил Серебровский и поднял бокал: – За встречу... За прошедшую вместе жизнь... За нашу молодость...

Все чокнулись, по-птичьи тонко звякнул хрусталь, мы с Сашкой как-то неуверенно пригубили, а Марина выпила вино одним долгим глотком.

Она не закусывала, а сидела, опершись подбородком на ладонь, и внимательно, пьяно рассматривала меня.

Все-таки она обалденно красивая баба. Божий промысел, дьявольская шутка, слепая игра мычащих от страсти генов, еле заметные мазки мейкапа – не знаю, что там еще, да и предполагать не собираюсь, а вот поди ж ты – чудо! Присутствует в ней какая-то кошунственная, невероятно волнующая смесь иконы и порнографической модели из глянцевого журнала, и действует она как алхимический субстрат – достаточно одного взгляда на нее, и вместо вялой маринованной сливы простаты вспыхивает в мужских чреслах солнечный протуберанец, а яйца становятся больше головы.

К сожалению, все это добром не кончается. Не дело это, когда с одной бабой хотели бы переспать три миллиарда мужиков. Ну, минус гомики, конечно, зато – плюс лесбиянки. Я считаю и всех тех, которые не слышали о ее существовании, но, несомненно, стоило бы им взглянуть разок, они – как тот грузин из анекдота – сказали бы: «Конечно хочу!»

Ну а ты, Верный Конь?

Не буду отвечать. Имею право. Никого не касается. Мне мои дружки, суки этакие, Кот Бойко и Хитрый Пес, придумали на целую жизнь жуткое амплуа – Верный Конь. Не друг я ей, не любовник, не муж, даже не воздыхатель. Мне досталась ужасная роль – быть свидетелем, как два моих друга, два брата приспособили самую красивую на земле женщину в нашу популярную национальную забаву – перетягивание каната...

Марина положила руку на мою ладонь и спросила:

– Серега, ты счастлив?

Я поднял на нее взгляд:

– Ничего не скажешь – простенький вопрос! Наверное, «нет счастья на земле. Но есть покой и воля...»

– И ответ простенький, – кивнула Марина. – Обманул поэт – нет покоя, и воли нет поэтому...

Серебровский дожевал кусок и спокойно сказал:

– Я думаю, Мариночка права. У нее нормальная точка зрения умного человека, бесконечно утомленного непрерывным отдыхом. А Марина – невероятно умный человек. Пугающе умна моя любимая. И ничем не занята.

Марина хмыкнула:

– Видишь, Серега, – жалким куском рябчика попрекает, горьким глотком монтрашо девяносто третьего года укоряет. Страна в разрухе, мы на пороге голода и нищеты, а я гроша живого в дом не приношу. Нет, Серега, нет счастья на земле...

– Счастья наверняка нет, – согласился Сашка. – Во всяком случае, в твоём понимании. А что есть вместо счастья, Марина?

Марина повернулась к нему и произнесла медленно, со страхом, болью, неприязнью:

– Не знаю. Христос сказал: сладкое обольщение богатства...

И снова в благостной тишине семейно-дружеского ужина я услышал визг тревоги, опасности, стоящей на пороге ненависти.

Я, медленно постукивая пальцами по столу, неуверенно сказал:

– Иногда в жизни счастье заменяет долгое везение. Фарт. Это я от профессиональных игроков знаю.

– Тогда все в порядке! – захлопала в ладоши Марина. – Мой муж Санечка и счастливый, и везучий! У нас, Серега, есть своя ферма – Санек купил какой-то племенной совхоз. Серега, ты знаешь что-нибудь омерзительнее теплого парного молока? Но это не важно. Я тебе, Серега, расскажу по секрету, ты смотри, никому не проболтайся, – у нас там куры яйцами Фаберже несутся. Вот какие мы везуны!

– По-моему, приехали, – вздохнул устало Серебровский.

КАК ОНИ ЭТО ДЕЛАЮТ

В Центре радиотелеперехвата «Бетимпекс» два инженера-оператора перед огромным монитором с картой Москвы что-то объясняют Николаю Иванычу.

– Радиомаяк, вмонтированный в трубку, по-видимому, частично поврежден. Сигнал нестабильный. Наши пеленгаторы не берут его во всем диапазоне, – говорит один из них, скорее всего старший.

– Из-за этого мы не можем точно локализовать источник... Радиус допускаемого приближения – два-три километра, – уточняет второй.

– Ни хрена себе – допускаемое приближение! – сердито мотает головой Николай Иваныч. – Ты-то сам понимаешь, что такое в Москве два-три километра? Десятки улиц и переулков! Тысячи домов...

Он смотрит на карту города, где в юго-западной части пульсирующим очажком гаснет-вспыхивает затухающий, потом набирающий снова силу мерцания огонек.

– Ну, вы, Маркони глоданные, какие мне даете позиции? – с досадой спрашивает Николай Иваныч.

– Четыре машины с пеленгаторами уже вышли в радиозону. Если в телефончике батарею не замкнет совсем, мы за сутки-двое дадим точную дислокацию объекта, – заверяет старший.

Кот Бойко: Райское яблочко

Я перевернулся с боку на бок и мгновенно проснулся, услышав, что Лора тихонько всхлипывает. Комната серебристо-серо освещена экраном невыключенного компьютера.

– Что? Что случилось?

– Ничего-ничего, – быстро вытерла Лора слезы краем простыни. – Спи, спи! Тебе показалось...

– Ни фиги себе! Показалось! – Я сел на постели, притянул ее к себе. – Девушка с побледневшим лицом, вся в рыдальческих слезах уже бежит к пруду, а мне, видите ли, показалось! Ну-ка, давай колись! Разоружись перед партией!

– Не обращай внимания! – Она уткнулась мне в грудь и, по-детски сдерживая слезы, сопли, слюни, сопела. – Это от радости! Чисто нервное! Знаешь, бабы не потому дуры, что дуры, а дуры потому, что бабы...

Я поцеловал ее, прижал к себе теснее, тихонько сказал:

– Все понял! А теперь говори – в чем дело?

– В шляпе! – оттолкнула меня Лора. – Подумала о том, как ты сбежишь завтра, – так стало себя жалко! Жди тебя снова три года...

– А ты собираешься ждать? – строго спросил я.

– Не знаю... Наверное... А чего делать?

– Вообще-то, лучше не жди. Плюнь...

Вот смешная девка. Полная дуручка. Как я могу ей объяснить, что ни с одной женщиной я не способен прожить целую жизнь вместе, не про меня такая судьба. Вообще-то, существовала одна женщина, с которой я мог, наверное, вместе состариться и умереть в один день. Но так вышло, что она меня бросила. Стариться будем теперь врозь. Остается вместе умереть.

Как раз вот в тот черный период в моей жизни мы и сыскались с Лорой. Забавно все получилось. Приехал я к приятелю Толику Куранде на дачу. Когда-то мы с ним вместе за сборную страны выступали, почти в одно время вылетели. Парень он был замечательный – шестипудовый кусок доброго, веселого и пьяного красавца-мудака. На гражданке себя искать не стал, не напрягался, сильно выпивал и все время врал и хвастал. Подобрала его крутая баба – директорша промтоварной оптовой базы, лихая дамочка со звеняще-визжащим именем Зина Зиброва. Взяла его на полное содержание, от всех обязанностей освободила, а знакомым говорила, что держит для женского здоровья собственного чемпиона.

На мой вкус, бабенка она была вполне противная – нежная, жеманная, мелкая, а ряшка у нее размером была, как у актера Депардье. Для своего женского здоровья и, наверное, чтобы Толик, шальной Куранда, ее не бросил, свое личико величиной с коровью морду Зина держала в холе и ласке, будто любимое животное выхаживала и растила.

Сроду бы, конечно, не поехал я на их долбаный день рождения, если бы Толик раз пять не позвонил. Неудобно, да и на душе такая мерзкая желтая гадость, как на зассанной кошками черной лестнице. Черт с ним, поеду! Вручу подарок, выпью по-быстрому и отвалю. Как говорит мой друг карточный шулер Иоська Кацап, пришел на поминки, быстро всех поздравил – и сразу же за зеленый стол!

Пора была осенняя, ноябрь, предзимок. Пока доехал до Опалихи, продрог сильно – сломалась в машине к едрене-фене печка. Потом разыскивал их дачу, огромное каменное сооружение, будто построенное из остатков сталинского метро, – совсем стемнело. Продрог как бобик. Дождь со снегом хлещет, это называется осадки – холодная грязь с неба, тьма и ужас. Вошел в дом, озверелый от холода и досады, что приехал сюда, от злобы на себя, на бросившую меня Марину, на Толика и хрупкую его подругу с крупно-рогатой молочной рожей – хочу всех убить!

А там гулянье дымит коромысленно.

Елки-палки! Кого там только нет – Ноев ковчег, на который зажуковали посадочные билеты для чистых, а потом по блату и за взятки продали их только нечистым. Стойбище индейцев-делаваров еврейской и кавказской национальностей. Блатные, деловые, жуковатые, нужники, начальники, фирмачи, славянские бандиты, платные телки – «зондерши», эмигранты, прибывшие из Штатов за контрибуцией... Сказочный зверинец! Спектакль Ануя «Бал воров»!

Поднесли мне с порога штрафную, потом вторую, третью – загудело, зашумело весело, ну, расправил орелик крылья – понесло меня. Огляделся я с высоты птичьего полета – вон она, у стены стоит – Лора! Смотрит на меня во все глаза, и такое на лице ее восхищение и такой восторг встречи написаны, что я даже засмеялся. По-моему, на меня никто никогда не

смотрел вот так. Шагнул я к ней, а она рванулась навстречу, будто я на танец ее приглашал. Спросила быстро:

– Вам что-нибудь нужно? Я с удовольствием вам подам...

Мне стало смешно. Я ее взял за руки и сказал:

– Дай один кисс! Поцелуй, значит, меня... Пожалуйста.

Она вспыхнула, засмеялась и говорит:

– Вообще, я бы с удовольствием, но неприлично это как-то.

– А чего ж тут неприличного? – удивился я. – Мы ведь нравимся друг другу!

Она сказала:

– Да, вы мне очень нравитесь!

– И ты мне нравишься... Давай поцелуемся!

Я притянул ее, и она, умирая от восторга и смущения, прильнула ко мне, а вокруг бушевали геморроидальный содом, галдеж и безобразия. Но я уже летел, подхватив ее на руки, и все вокруг отодвинулось, приглохло, размылось в очертаниях. Не отпуская от себя, спросил ее:

– Тебя как зовут?

– Лора Теслимовка.

Я засмеялся:

– Это не фамилия, а сорт райских яблок.

И в поцелуе ее был вкус яблок – упругий, нежный, дикий, вкус простой и вечный.

– А ты что здесь делаешь?

– Я племянница Зинаиды Васильевны, хозяйки.

– У-у, значит, ты человек важный!

Тут Зиночка Зиброва, хозяйка наша, промтоварно-продовольственно-торговая дама, возникла из гостевой толпы, похожей на кипящую помойку, и строго сказала:

– Ну-ка, Лора, займись делом! Принеси студень из подвала. А ты, Кот, иди к гостям, все заждались...

Я сам видел, честное слово, как в Америке таким племенным молочно-товарным коровам ставят на морду тавро-клеймо-пробу – как там это называется? Зиночка, зараза моя звонко-заливисто-звенящая. На твою морду пробы негде ставить. Отстань.

Лора высвободилась из моих рук, пошла в подвал. У дверей обернулась и спросила хозяйку:

– Зинаида Васильевна, а где фонарь? Там свет не горит.

– У меня есть фонарь, – сказал я, обернулся к Зиночке Зибровой и посоветовал: – Ты лучше к Толику иди. А то он соскучится и уедет вместе со мной.

А сам догнал Лору, схватил за руку и потащил по лестнице вниз.

– А фонарь? – испуганно спрашивала Лора.

– Да есть фонарь, есть, – уверил я ее. – Свет зачем тебе. Я тебе все покажу...

Спустились в подвал, а там – густая осязаемая чернота, как в бочке с варом.

– Темно, – неуверенно сказала Лора.

Я прижал ее к себе и целовал ее долго и радостно.

– Нехорошо, Зинаида Васильевна очень рассердится. Давайте найдем студень и пойдем наверх.

– А где студень? – со смехом спрашивал я, потому что меня как-то очень смешило, что мы будем носить студень. Я уже был пьяный. Я ходил по темному подвалу, и куда бы я ни ступил, передо мной оказывалась Лора.

– Фонарь нужен, – сказала она робко.

Я достал зажигалку и стал чиркать. Студня нигде не было видно.

– Студень! Холодец из Зинкиной морды! Ты куда девался? – орал я.

Зажигалка выпала из руки, погасла. Тогда я притянул к себе Лору и стал ее быстро раздевать. Она вяло сопротивлялась:

– Сейчас придет Зинаида Васильевна... Такой скандал будет!..

Я прислонил ее к чему-то твердому и запустил свои хищные цепкие грабки под юбку. Я всю ее видел в черноте, я обонял ее и осязал, как разобранное пополам яблоко. Я был весь – в ней, как счастливый, беззаботный червячок в сердцевине райского яблока.

Лора блаженно вскрикивала и бормотала:

– Ой, нехорошо, нас там все ждут!

А я, корыстный червяк-подселенец, блаженно сопел и деловито успокаивал:

– Ничего, дождутся... Дождутся они своего студня...

Не было тьмы, подвального запаха пыли, духоты, а только свежий нежный запах зеленых лесных яблок. Что-то гремело под ногами, чавкало и хлопало, мы топтались на чем-то податливо-мягком.

А потом я отпал от нее, и в подвале вдруг вспыхнул электрический свет – это, видимо, Зинулька, зловещая зануда, решила меня выкурить-высветить из подвала. Я огляделся и увидел, что стою в огромном жестяном блюде – противне со студнем. Весь этот студень от страсти я истоптал в тяжелый бульон, и брызги его вперемешку с лохмотьями мяса заплескали и облепили мои шикарные брюки до пояса. Наверное, слон, кончив соитие, заливает себя и подругу таким количеством густой комковатой мясистой спермы с ломтиками лимона.

Я озабоченно спросил:

– Лора, ты не знаешь – студень был говяжий или свиной?

– Говяжий. А что?

– Слава богу! Я боялся, чтобы ты не забеременела от меня свиньей.

Лора стала нервно смеяться:

– Ты им хочешь подать студень на своих штанах?

– Убьют! Они, гости наверху, – люди страшные. Нам с этим деликатесом появляться там нельзя. Пошли отсюда через боковую дверь.

Она испугалась, удивилась, обрадовалась:

– Куда?

– Ко мне. Будем жить в моей машине. Хуже, чем с теткой Зиной, тебе не будет...

Я встал, пошел на кухню, достал из холодильника водку, нацедил добрый стаканчик, хлопнул, закусил огурцом и вернулся к огорченной подруге с важным заявлением:

– Слушай, Лора! Раньше в моей жизни было много ошибок и заблуждений...

Она с надеждой и интересом взглянула на меня.

– И самая горькая в том, – торжественно возвестил я, – что я, как всякий видный коммунист – а я был очень видный, отовсюду видный коммунист, – был вне лоно церкви...

В глазах Лоры возникло опасливое подозрение, но я не дал окрепнуть ему, а бросился на колени и страстно сообщил:

– А ведь нас когда еще Владимир Ильич Ленин учил: жизнь есть объективная реальность, данная нам в ощущение Богом...

Лора осторожно сказала:

– Ну, если уж Ильич пошел в ход – не к добру, наверное, исповедь...

– И не права ты! – строго остановил я ее. – Потому что как только мы, демократы, победили тоталитарный режим, так сразу же мы, видные коммунисты, первыми вернулись в это самое лоно. Так сказать, вкусили наконец благодать полной грудью.

Лора со вздохом махнула рукой:

– Раньше на железнодорожных станциях стояли таблички в конце платформы – «закрой поддувало»...

– Твоя душевная черствость, Лора, и твоя грубость, Лора, не мешают мне сказать тебе, Лора, все, что накопело в моей страждущей религиозной душе, Лора!

– Трепач, проходимец и уголовник, – забыв о недавних слезах, улыбнулась Лора.

– Неверие – мука и смертный грех темных духом. Это мне поп, мой сокамерник отец Владимир, сказал. Святой человек, за веру пострадал – пьяный въехал в храм на мотороллере, старосту задавил. Итак, подбивая бабки в моей сердечной исповеди, торжественно обещаю... Как истинно верующий пионер...

– Обещаешь, как будто грозишься, – засмеялась Лора.

Я выдержал страшную паузу, потом отчаянным шепотом возгласил:

– Вот тебе святой истинный крест – никуда не убегу! – Я тяжело вздохнул и смиренно завершил: – В смысле – пока не убегу...

– В каком смысле – пока? – заинтересовалась Лора.

От громадности данного обещания я неуверенно поерзал и рассудительно предположил:

– Кто его знает? Может, пока ты меня не выгонишь... Впрочем, и выгонишь – не уйду. Мне все равно идти некуда. Буду тут с тобой мучиться, с наслаждением...

Александр Серебровский: Мучение

Марина извивалась, кричала и плакала от сладкой муки, раскачивалась и падала мне на грудь, взвивалась и с хриплым стоном счастья впечатывала меня в себя, и в судороге наслаждения впивалась мне в шею зубами, и боль становилась все острее – я чувствовал, что она прокусит мне горло, я захлебнусь собственной кровью, я не мог этого больше терпеть – физическая мука стерла удовольствие...

Закричал, оттолкнул ее – руки повисли в пустоте. Потрогал осторожно горло – золотой крестик сбился на цепочке и уткнулся в ямку на шее, давил резко и больно, как острый гвоздь...

Поправил крест на цепи, поцеловал его, разжал пальцы, и упал он мне на грудь – тяжелый, теплый, – как ангельская слеза сострадания.

Повернулся на бок – пусто рядом со мной. У Марины своя спальня. Мы не спим вместе. Довольно давно.

Я не могу. Не получается больше. Дикость какая-то! Все врачи мира не могут уговорить или заставить моего маленького дружка. Он, послушник подсознания, молча и неумолимо воюет с моей волей, с моими желаниями, с моей личностью.

Врачи долдонят одно и то же: вы совершенно здоровы, вы молоды, у вас нет никаких органических поражений или отклонений. Просто у вас стойкое хроническое нервное перенапряжение, вы живете в режиме непрерывного дистресса, вам нужен покой, разрядка и отвлечение.

Мое гнусное подсознание сильнее всех их знаний, исследований, препаратов и процедур.

Когда я смотрю в бегающие глаза сексопатолога, когда слушаю утешающую буркотящую скороговорку психотерапевта – весь этот жалобный, нищенский, побирушечий бред профессорской obsługi, я понимаю с горечью и гордостью: не руководители, не управители, не помощники они моему маленькому дружку, живущему в монашеской черной аскезе и отшельничестве. Мое могучее, отвратительное подсознание оказалось сильнее меня самого и наказало меня по-страшному.

Импотенция? Ха-ха! Бессилие? Лом вам в горло!

А может быть, это не наказание? В том смысле, что не задумывалось как возмездие, а просто – баланс сил? Может быть, изначально задумано, что римский папа не должен трахать баб?

Но Кароль Войтыла, когда стал Иоанном Павлом, был уже старым хреном. А мне тридцать шесть лет. И я не могу уйти в отпуск, чтобы отдохнуть, – никогда, ни на один день. Я разряжаюсь, только переключив свое внимание с одной кошмарной проблемы на другую – еще более невыносимую. Я отвлекаюсь от своих забот только затем, чтобы положить в свой карман чужие.

Я – Мидас, строящий золотой свод мира.

Большая тягота, большая власть, большой кайф.

Интересно, обрадовались бы или огорчились легионы людей, зависящих от меня, если бы им довелось узнать, что не я им хозяин и распорядитель их судеб, а мой маленький дружок, одинокий и бессильный, отдавший меня самого во власть могучей черной тьмы бушующих во мне ураганных стрессов и ужасных страстей.

Наверное, обрадовались: они – рабы.

И я – раб. Мидас – царь, который знает о своем рабстве.

Никто не догадывается об этом. Врачи не в счет, они не игроки, а интерьер, часть декорации жизни, неживая природа. Они верят, что это болезнь чрезмерного душевного утомления.

А я знаю, что это не состояние надпочечников, простаты, яичек и всей остальной мочеполовой требухи – это свойство моей души, которую ученые дураки называют подсознанием.

Бедные живут в счастливом заблуждении, что за деньги покупается власть. Деньги платят за небольшую власть. За настоящую власть принимается только одна плата – душой.

Об этом знаю я. И Марина, без которой я не могу жить, которую я люблю мучительной острой ненавистью, ибо по кошмарной прихоти судьбы она и есть неумолимо-жестокый мытарь, взимающий с меня безмерно тяжелую плату душой за ту власть, что я имею, за ту жизнь, которую я веду.

Я могу в этом мире все – не могу только заставить ее кричать от наслаждения. Со мной.

Всё! Всё! Всё!

Я проснулся. Конец попытке ночного отдыха – обморока, липкого кошмара, бессилия перед провокациями моей души, заполняющей темноту и безволие страшными снами об ушедшем навсегда счастье, которое, может быть, и было смыслом радостного животного существования меня – молодого, бедного, алчного, полного никогда не сбывающимися мечтами.

Всё! Всё!

Встаю. День начался. Сейчас – в гимнастический зал, и гон по электрическому бесконечному тротуару беговой дорожки, силовые машины, неподъемные блоки – до горячего истового пота, до сильной, глубокой задышки, пока не придет Серега, невыспавшийся, помятый, и недовольно спросит:

– Ну что ты так рвешься наверх? Что ты так напрягаешься?

– Времени нет, – тяжело отдуваясь, отвечаю я.

– О чем ты говоришь? Ты же молодой еще!

– Уф-ф! – брошу я гири. – В нашей сонной отчизне молодость – всегда или льгота для лентяев, или стыдный порок для достигателей...

– Ты думаешь, в мире по-другому?

– Мир, Серега, это не только пространство. Это – время... Царь Александр Филиппыч Македонский к тридцати трем годам завоевал полмира и умер. Иисус Христос в этом возрасте создал Новый Завет, был распят и вознесся. А наш былинный герой Илья Муромец только слез с печи и пошел опохмеляться. А мне уже больше годков натикало...

– Ты хоть не опохмеляешься...

– Бог миловал... Все, пошли мыться.

...Мы медленно плыли в голубой прохладной воде бассейна, и я говорю Сергею, а доказываю себе:

– Все, что человек способен сделать, он совершает в молодости. У нас с тобой сейчас – полдень жизни. Еще чуть-чуть, и незаметно начнет подползать старость, противная, больная, стыдно-беспомощная... Серега, с годами человек становится хуже – мозги киснут и душа съедается.

Серега бросился на меня, пытаюсь слегка притопить, и орал дурашливо:

– Хуже старости, Хитрый Пес, человека разрушают власть и деньги. Он становится злым и агрессивно-подозрительным...

Я вынырнул, со смехом отмахнулся:

– У тебя нормальная идеология бедного человека...

– Может быть! – смеется Серега. – Нам не понять друг друга. Ты-то миллиардер, а я уже давным-давно пока еще нет...

Кот Бойко: Уевище

– Але, подруга! – Я поцеловал Лору в шею. – Ты работу не проспешь?

– Что я, с ума сошла, сегодня на работу переть? – Лора вылезла из-под простыни, взяла с тумбочки свои фасонистые очки. – А сколько времени?

– Семь двадцать. А что скажешь на работе?

– Ничего. Шефу своему позвоню, отговорюсь. Он у меня с понятием. Если бы не приставал с глупостями – цены бы ему не было...

– Секс-обслуживание в контракт не входит?

– Ты бы взглянул на шефа – по нему курс эндокринологии учить можно. – Лора встала с тахты и сообщила, как вердикт вынесла: – Сейчас из тебя человека буду делать.

– Уточните, мадам? – насторожился я.

– Отпарю тебя, как старые брюки, отглажу, отмою, подстригу – станешь лучше нового! – Лора смотрела на меня с улыбкой, но говорила твердо: – Такой причесон забацаем – полный улет! Как у Зверева, только забесплатно...

– Сказка! – восхитился я. – Волшебный сон!

– У тебя денег, ловчила, наверняка нет? – спросила утвердительным тоном Лора.

Я показал на смятую пачку на столе.

– Чепуха! – махнула рукой Лора и с энтузиазмом сообщила: – А у меня есть тысяча шестьсот «у. е.».

– Это что такое? – удивился я.

– Баксы официально называют «условные единицы»...

– По-моему, доллар – это не условная, а очень конкретная единица, – возразил я. – Совсем с ума посходили – полное уевище...

– Ну, не важно! Условные, безусловные! Когда их нет, они, наверное, условные. А так – важно, что есть! Значит, приводим тебя в божеский вид, я звоню на службу – быстро отбиваюсь, мы завтракаем... – Лора замолкла и мечтательно закрыла глаза.

– И что дальше? – опасливо спросил я.

– Едем в город и одеваем тебя с ног до головы! Чего ты смеешься, обормот? Не веришь, что за кило шестьсот можно фирмовый прикид собрать? Я такие места знаю! Не веришь? Давай собирайся, берем деньги и едем...

Я обнял ее, прижал голову Лоры к своему плечу, чтобы она не видела моего лица. У меня было сейчас наверняка плохое, слабое лицо, морда утешаемого слабака, сентиментальная патока заливала мой разбойный фэйс. Мой приятель Фотокакис наверняка сказал бы, что у меня влажно заблестели глаза. Просто срам!

Как странно возвращаются к нам наши поступки!

Как давно мы сбежали с дачи Толика Куранды, который, оказывается, доводится Лоре приемным дядей. В машине не только жить, в ней ехать было невыносимо из-за жуткого холода – мы, крепко обнявшись, грели друг друга.

Марины уже не было со мной, перегрелись и напряглись отношения с Хитрым Псом, и Верный Конь Серега отбыл на службу в Интерпол. А дела мои были на таком стремительном и опасном взлете, что я не хотел на всякий случай ночевать дома.

– Поехали в Питер, – предложил я тогда Лоре.

– Поехали, – сразу согласилась она. – А зачем?

– Поспим в гостинице, согреемся. Одежонку купим. А?

– Хорошо. Но ко мне – согреться – ближе...

– А ты где живешь?

– Снимаю квартиру в Теплом Стане.

– Отдельную?

– Отдельную, – кивнула Лора. – Там не «Шератон», конечно, небогато, но тепло.

– Ну да, наверное, – поверил я. – Стан-то, говорят, Теплый...

– Поехали-поехали! – настойчиво звала Лора. – Вот скоро меня хозяйка выгонит, тогда поедем греться в Питер. Если до этого я тебе не надоем...

– А почему выгонит?

– Она квартиру продавать надумала, ей сдавать невыгодно. Ей, мол, двадцать штук предлагают...

– Ладно, поехали к тебе. Питерских ментов жалко.

– При чем здесь менты?

– Ну представь, завтра на заре ловят они на Московской заставе нашу тачку, в которой едут два давно заледенелых трупа. Ну скажи на милость, выдерживают такое человеческие нервы? Даже если ты человек-мент?

– Не выдерживают, никогда, – согласилась Лора. – Поворачивай на Кольцевую, поедем ко мне.

– Поедем. А ты с утра вызывай хозяйку и вели по-быстрому оформлять на тебя документы...

С трудом шевеля синими от холода губами, Лора сказала:

– Какие документы? А деньги?

– Деньги – прах! Фарт нужен!

– Сумасшедший! – вздохнула Лора. – И врун. Все равно – поехали! Едем?..

– ...Ну, ты что? Берем бабки и едем! – нетерпеливо дергала меня Лора.

– У меня дружок был, фарцовщик, – по-прежнему не глядя ей в лицо, вспомнил я. – У него кличка была Берем-едем.

– И что?

– Нет, ничего... Застрелили его отморозки в Сочах.

– Царствие ему небесное! – торопливо посочувствовала Лора, обуянная грандиозными планами. – Приступаем к помыву и причесону?

– Обязательно! Все сделаем, как ты сказала. Только совсем по-другому...

Сергей Ордынцев:

Почем в Москве сребреники

Питбуль Мракобес кровавым оком следил за каждым моим движением, неохотно, на миг, отрываясь, когда Серебровский кидал ему время от времени кусочки сыра и ветчины. Пес глотал с металлическим чавком, обязательно облизывал руку хозяина, но и в этот момент не спускал с меня настороженного взгляда.

На открытой террасе, где мы завтракали, посреди благостного барвихинского ландшафта, у сервировочного стола замерли неподвижно и беззвучно два официанта – молодые крепкие парни в белоснежных крахмальных рубашках и черных, тщательно отглаженных брюках с блестящим шелковым лампасом. Вообще-то, формой и выправкой они больше смахивали на вахтенных лейтенантов океанского корабля.

Кофейный сервиз здесь был лиможского фарфора, салфетки – будто из пиленого рафинада, ложки тяжелые, с монограммами – на всем печать роскоши, шика, дороговизны, и меня удивляла собственная плебейская неприязнь ко всему этому. Я боялся, что это – изнанка зависти. Но ведь видит Бог – не завидую я этому ничему!

– Так что, я подотчетен твоему шефу безопасности? Сафонову? – спросил я.

– Никогда, – мягко ответил Серебровский. – Ты подотчетен только мне. С Кузьмичом вы оперативно взаимодействуете. В рамках твоей задачи ты ему мягко и деликатно предписываешь все необходимые действия.

– А если он не согласится?

– Придет ко мне и спросит об указаниях. Я, скорее всего, велю выполнять.

– Обидится, наверное? – предположил я.

– Это его проблемы, никого не интересует. С сегодняшнего дня тебе выделяют кабинет, где-нибудь рядом со мной. Тебе понадобятся секретарша и водитель.

– Водитель не нужен.

– Как знаешь... Телохранитель?

– Ага! И медсестру – лет девятнадцати, блондинку, килограммов на шестьдесят! – захотел я.

– Если надо – обеспечим, – пожал плечами Серебровский. – И еще один важный вопрос – твоя зарплата...

– Для меня это не важный вопрос – я зарплату получаю.

– Эти совковые заскоки забудь! Со вчера тебе потекла зарплата – настоящая. Ты будешь получать сто двадцать тысяч в год. Баксов, разумеется...

Я внимательно смотрел в лицо Серебровского, эпически спокойное, чуть затуманенное подступающими заботами. Забавно, зарплата моего самого большого начальника, генерального секретаря Интерпола – главного полицейского мира – составляет 127 тысяч баксов.

– Сань, хочу пояснить тебе одну вещь – я у тебя год работать не собираюсь. Меня кисло-сладкая жизнь прикола у богатенького Буратино не интересует...

Серебровский нахмурился, хотел что-то сказать, уже пробежала мгновенная судорога гнева на лице, но я упредил его:

– Во-во-во! И сурово брови он насупил!.. Саня, запомни: это ты для своей челяди – магнат, олигарх, тайкун, великий могол и завтрашний генерал-губернатор! А мы с тобой двадцать пять лет назад пипками мерились – у кого длиннее выросла. Когда-то ты, Кот и я были как братья. И служащим на зарплате у тебя я не буду...

– Ты согласился решить эту проблему, – недовольно сказал Серебровский.

– Да. Но ты обговорил только одну сторону вопроса – прикрыть тебя от Кота. И я буду стараться это сделать.

– А вторая сторона? – подозрительно спросил Серебровский.

– Не допустить, чтобы твои ломовики ненароком убили Бойко...

– Буду счастлив, если это удастся тебе, – сухо обронил Серебровский. – Но не получать за все это нормальной зарплате – идиотизм...

– Ты уверен, что я отказываюсь от таких деньжищ из вырожденного советского целомудрия?

– От непонимания ситуации в целом, – спокойно ответил магнат.

– Это как раз ты не понимаешь ситуацию в целом! Я всю жизнь зарабатываю деньги тем, что служу обществу или государству, или не знаю там как...

– Сережа, не возбужай! Подумай, не спеши, не горячись. Когда ты работаешь сейчас на меня – ты служишь державе под названием Россия...

– Россия или «РОСС и Я»? – резко подался я вперед.

Серебровский усмехнулся, устало помотал головой:

– Сегодня это одно и то же... Нераздельные это вещи... Попробуй понять – я не хапошник, грабящий беззащитную мамку-родину! Россия – это мир, который я строю. Я служу ему восемнадцать часов в сутки. Поэтому я владею им. И от тебя хочу одного – устрой так, чтобы Кот Бойко не мешал мне это делать!

– Я попробую. Я очень постараюсь. Но не за деньги... Ты это можешь понять?

– Нет! – отрезал Серебровский.

– Саня, да что с тобой? Неужели ты не сечешь? Ты просто назначил свою котировку тридцати сребреникам! Четыре тысячи баксов за один сребреник! Все нормально! Курс московской валютной биржи!

– Я не прошу тебя убить Кота...

– Не просишь. Ты разрешаешь его убить! Сто двадцать штук – моя плата за эту милую работенку!

– А если ты не берешь эти деньги? Вполне, кстати говоря, скромные.

– Тогда я найду Кота и рассчитаюсь с ним из капитала нашей прошлой жизни!

– Надежный источник финансирования, ничего не скажешь, – своим зыбким, недостоверным тоном заметил Серебровский.

Я злобно засмеялся:

– Не знаю, берет ли твой банк в обеспечение залог дружбы, любви, верности... Памяти прожитой вместе жизни...

– Берет, – серьезно кивнул Серебровский. – Но под выданный кредит обязательно требует разумный и надежный бизнес-план.

– Он прост и очевиден...

– Уточни.

– Найду Кота, встану перед ним на колени или изобью его как собаку...

– И то и другое сомнительно, – хмыкнул Серебровский. – Кот дерется гораздо лучше тебя, а ты и в церкви на колени не станешь...

– Не твоя работа! Объясню, уговорю, заболтаю! Слово свое, честь офицера в заклад ему отдам! А все равно решу!

Кот Бойко: Меморандум

Уже в прихожей, открывая входную дверь, я еще раз напомнил:

– Подруга, все поняла? Все запомнила?

– Поняла-поняла! Запомнила! – мотнула Лора своей золотисто-рыжей копной.

– Я без тебя – никуда ни ногой. Сижу, как гвоздь в стене. Мне сейчас болтаться по улицам не полезно...

– За-ме-ча-тель-но! – сказала Лора. – Железная маска!

– Точняк! – обнял я ее на дорожку. – Московский боевик – «Резиновая морда в Железной маске».

– Ладно. Я поехала?

– Давай. Люблю и помню...

– Хорошо, я поехала. Поцелуй еще разок. Покидай меня, пожалуйста...

Лора уже вышла, потом снова засунула в дверь голову и быстро сказала:

– А еще говорят – тюрьма не учит. Без меня не грусти, не пей, не плачь...
– Не буду, – пообещал я. – А вообще-то, я последний раз плакал в детстве. Нам книжку читали – мелкие серые мыши убили слона. Выгрызли ему ночью мягкие подушечки на ногах...
Лора вернулась обратно в прихожую, поцеловала меня, шепнула:
– Я люблю тебя...

Выскочила на площадку и захлопнула за собой дверь.

А я еще долго медленно разгуливал по комнате, подходил к окну – глазел на улицу, раздумывая хаотически обо всем сразу и ни о чем в отдельности, – бывает такое состояние, когда размышления похожи на грязевой сток. Потом возвратился за стол, удобно устроился перед компьютером, с удовольствием смотрел в экран монитора с пляшущей эмблемой программы «Майкрософт», лениво покуривал, вспоминал людей и обстоятельства, злорадствовал и горевал. Пока не выстучал одним пальцем заголовок: «МЕМОРАНДУМ».

ТЕ, КТО ИЩЕТ

В радиоцентре «Бетимпекса» инженеры рассматривают экран с участком города, захватывающим Теплый Стан. Источник радиосигнала попадает наконец в перекрестье двух поперечных локаторных лучей. Старший хватает телефон и торопливо набирает номер:

– Николай Иванович, есть! Сигнал локализован и взят! Теплый Стан, улица Огурцова... Нет, дом пока не могу сказать... Хорошо, поисковые группы будут на месте... Я с ними на связи... Нет-нет, предпринимать ничего не будут до вашего приезда...

Александр Серебровский: Обмен рисками

Миша, начальник охраны, захлопнул за нами дверцу лимузина, прыгнул на свое место рядом с водителем, включил рацию:

– Я – первый! Эскортный ордер в работе. Тронулись помаленьку... Маршрут – семь... Скорость – штатная, лимит – плюс двадцать в режиме, дистанция – два метра...

Я поймал себя на том, что краем уха, закраиной внимания я контролирую этот конвойный вздор. Это ужасно. Глупо, неправильно, очень вредно – нельзя фильтровать такой поток информации, невозможно взаимодействовать со всеми вызовами мира.

Охранники в джипах сопровождения откликнулись, кортеж с места взял в намет, миновал ворота, с приглушенным подвизгом сирен, с фиолетово-синим просверком мигалок на крыше помчался по плавным загогулинам Рублевки через величаво дремлющий, прекрасно-неподвижный подмосковный пейзаж.

Сергей спросил нейтрально:

– Ты с Людой видишься?

– Очень редко. Практически – нет. Я их с Ванькой хорошо обеспечиваю, а видется с бывшими женами – пустое. Это как собачке из жалости рубить хвост по частям. Да ты ей сам позвони...

– Ага! Я обожаю такие звонки: «Ваш друг здесь больше не живет! Он – подлец, укравший мою молодость! И вообще, больше не смейте звонить сюда!»

– Перестань! – засмеялся я. – Люда – вполне цивилизованная женщина, почти все понимает. Нет, у нас вполне благопристойные отношения. А к тебе она всегда хорошо относилась...

Мы помолчали, и я добавил:

– Она всегда считала тебя противовесом дурному влиянию Кота. Предполагалось, что ты являешь фактор сдерживания и здравомыслия. Все чепуха...

Сергея тихо засмеялся.

– Ты чего? – поинтересовался я.

– Вспомнил, как Люда нас обоих с Котом вышибла...

– Почему? – удивился я.

– Да мы пришли к ней деньги занимать, а она нам перчит мозги какой-то невыносимой патетикой. А про тебя, ну и про себя, естественно, она сказала с тяжелым вздохом: «За спиной каждого преуспевающего мужчины стоит очень усталая любящая женщина». Я, конечно, в расчете на деньги промолчал, а Кот, конечно, ответил: «Точно! Голая, очень костистая и с косою в руках!» Ну, Люда и сказала нам ласково: «Пошли вон отсюда! Оба!»

Мы засмеялись.

– Давно было, – сказал Серега. – Ванька еще был пацанчик. Кот для него был фигурой культовой...

– Ну да! – усмехнулся я. – Если учесть, что, собираясь к нам, Кот отбирал у тебя офицерские погоны, кобуру, кокарды и дарил Ваньке...

– Погоны были старые, кобура пустая, – вздохнул Серега. – А вот золотую медаль чемпиона он подарил Ваньке настоящую, собственную...

Интересно, Верный Конь забыл? Или, наоборот, мне намекает?

– Да, Серега, я помню это. Я помню, как на мой тридцатник Кот на банкете вручил мне свой орден Октябрьской Революции.

Серега кивнул:

– Это был знаменитый праздник, и подарочек Кота ничего выглядел – эффектно... Ты ему через пару месяцев отдал «БМВ». Помню...

– Ну, на этой «боевой машине вымогателей» Кот недолго наездил – расколотил ее вдребезги, расшиб на мелкий металлолом...

– Это не важно, – усмехнулся Серега. – Ты ведь тоже дареный орден не носишь. Смешно сказать, я тогда очень переживал – мне-то вы таких подарков не дарили...

Я искренне удивился:

– Верный Конь, неужто ревновал? Завидовал?

– Нет, не завидовал, – помотал Серега головой. – Никогда. Ценность самого подарка – чепуха, ничего не значит. Важно душевложение в подарок, на твоём языке выражаясь – инвестиция чувства.

– А! Чего там сейчас вспоминать! Нет давно этих подарков, и чувств не осталось...

– А сами мы как шары по бильярду раскатились, над лузами повисли, друг друга боимся, приглядываемся – у кого кладка лучше. – Серега махнул рукой и спросил: – А сколько Ваньке сейчас?

– Тринадцать. Через пару лет пошлю в Англию...

– Что-то ты задержался, – усмехнулся Сергей. – Я смотрю, дома учиться стало неприлично.

– Нормальная мечта нищих дураков. Ни один из студентов, отправленных Петром в Европу, не вернулся домой.

– А Ванька вернется?

– А куда ж ему деваться? – засмеялся я и показал рукой за окно: – Вот всем этим ему предстоит владеть и управлять лет через двадцать.

Кортеж резал автомобильную толчею на запруженных улицах Москвы, выскакивая на резервную полосу и встречное полотно движения в затеснениях и пробках. Серега нажал кнопку на панели – звуконепроницаемое стекло плавно поднялось, отъединив нас в салоне от телохранителя и шофера.

– Ты не хочешь рассказать обстоятельства вашего боя с Котом? – спросил Сергей.

– Нет! – отрезал я и, помолчав, добавил: – Это никакой не секрет. Но если я тебе начну объяснять все с самого начала, получится глупая длинная сплетня: «ты сам виноват!», «а ты меня не слушался!», «а ты меня предал в беде!». И конца этим взаимным препирательствам не будет никогда. Эти разговоры не объясняют ничего по существу.

– А что объясняет?

– Дремучая и вечно свеженькая сказка о двух медведях в одной берлоге... Кот не понимал, как быстро и решительно меняются времена. Он думал, что этот развеселый разбойный бизнес, когда вся страна стала огромным беспризорным Эльдorado, когда миллионы просто валялись на земле – нагнись и подбери или силой отними, – вот он и думал, что это будет всегда...

– А ты?

– А я знал, что так не будет, и пытался заставить его делать то, что я говорю. А он плевал на меня и беспредельничал как хотел. Конец известен, – неожиданно для самого себя сказал я с досадой и горечью.

– Кот считает, что это ты его сплавил в зону, – заметил Сергей.

– Вольному воля, – развел я руками. – В нем бушует чудовищная энергия заблуждения. И она заведет его далеко...

– Мне все равно надо знать подробности. Без этого не оценить степень и направление опасности.

Я махнул рукой:

– Надо оценивать ситуацию в целом, подробности тебе не помогут. У тебя, к сожалению, неверный настрой...

– В смысле?

– Ты, разыскав Кота, ни в чем его не разубедишь и не уговоришь. Рассчитаться со мной – главная и единственная сверхценная идея его жизни. Глупо, конечно, но это так...

– Сделай милость, не ряди Кота Бойко в графы Монте-Кристо, – усмехнулся Ордынцев.

Я устал. Откинулся, прикрыв глаза, на подушку лимузина. Никто ничего не понимает. Сказал терпеливо:

– К сожалению, жизнь проще и страшнее беллетристики. Сейчас Кот опаснее Монте-Кристо...

– Але-але, только без паранойи! – замахал руками Серега.

– Нищий юноша Эдмон Дантес, до того как его кинули на нары в замок Иф, прожил ничтожную убогую жизнь мелкого обывателя, – терпеливо объяснял я. – Только став графом Монте-Кристо, он наконец зажил яркой, пряной, увлекательной жизнью героя, любовника, интригана, мстителя, вершителя чужих судеб. С этого момента, по существу, только и началась его жизнь. А у Кота Бойко, независимо от того, убьет он меня или пристрелят его самого, на этом все кончится...

– Уточните мысль, банкир Данглар, – смирно попросил Сергей.

– У Кота нет потенциала развития в жизни, у него все в прошлом.

– При всем уважении к возможностям вашего системного мышления, мой почитаемый учитель, наставник и гуру, – ехидно сказал Сергей, – хочу заметить, что из всех известных мне людей Кот Бойко меньше всего похож на поношенного дедушку-ветерана, у которого все в прошлом. Извините, пожалуйста, если что не так сказал...

– Пожалуйста, пожалуйста, – снисходительно кивнул я. – Вся мировая финансовая игра – от Нью-Йоркской биржи до торговли пирожками – это обмен финансовыми рисками. Выигрывает тот, кто сумел снизить свои риски до минимума. Понимаешь?

– Я думаю, что вся жизнь – это обмен рисками, – серьезно сказал Ордынцев. – Длинная цепь решений – человек оценивает свои интересы и степень риска.

– Точно. И каждый день, принимая эти решения, я должен понять, какое у этого человека вчера и что его может ждать завтра. Это стало для меня привычкой и необходимым условием. Мы должны произвести с Котом обмен рисками.

– И что?

– Жуть, полная чума! За спиной Кота, в его вчера – азарт молодости, слава чемпиона, сумасшедшая любовь к Марине, лихо сорванные, бессмысленно потраченные и более невозможные деньги – времена ушли. Деньги больше под ногами не валяются, надо уныло каторжанинствовать за них – а этого Кот не любит и не умеет. Ничто из прекрасного прошлого не повторится, все позади. Впереди у него нет ничего интересного. Только главный чемпионский выстрел...

Мы помолчали, равнодушно разглядывая и не замечая суетливую городскую жизнь за окном. Потом Ордынцев сказал:

– С будущим Кота ты мне обстановочку прояснил. А как насчет твоего завтра? Как там с оценкой рисков?

Как мог искренне, я засмеялся:

– Я не люблю глазеть в бездну!

У НИХ КОНТАКТ УТРАЧЕН

Грузовик-мусоровоз маневрирует на улице Огурцова в Теплом Стане вокруг контейнера, куда Кот забросил свой сотовый телефон. Это место – в двухстах метрах от подъезда Лоры. Двое здоровенных парней-мусорщиков, невероятно грязных, даже на вид издающих сильный запах, доброжелательно матеря друг друга, цепляют такелаж к контейнеру.

– Давай, вира помалу! – кричит парень водителю. – Да выбирай полегоньку, едрить твою мать!

Контейнер вздымается вверх, медленно ползет к своему месту на грузовой платформе.

– Майнай полегонечку! – командует мусорщик. – Давай, давай...

Контейнер встал на место в кузове. На замену ему грузчики устанавливают на тротуаре пустой, усаживаются в кабину, один сразу же начинает жевать здоровенный бутерброд. Грузовик трогается по улице, сворачивает за угол, исчезает из виду.

В тот же момент на улицу въезжают машины радиоразведки. Они движутся медленно, будто обнюхивают квартал. Штурман-поисковик хватается за рацию:

– Центр, внимание! На связи – шестой... Внимание!.. Объект вышел из пеленг-зоны. Объект смещается на северо-запад... Прямой контакт утрачен...

Сергей Ордынцев: Личный секретарь

Я уселся за стол своего нового кабинета – не очень большого, но продуманно организованного в стиле делового уюта.

А деловой уют – это черно-белый металлопластиковый аскетизм, который должен – по замыслу создателей – полностью отбивать охоту и возможность отвлекаться на что-либо вообще, кроме порученной тебе работы.

Но меня с самого начала рабочего дня отвлекли сильно.

Хорошенькая барышня, неброско, классно экипированная. Высокая, ухоженная, технологический класс «хай-фай», диапазон приятного применения, на мой взгляд, необъятный.

– Добро пожаловать, Сергей Петрович! Я ваш личный секретарь Лена Остроумова. Мое досье у вас на столе, там все необходимые сведения обо мне. Мой рабочий день с девяти до пяти. Но в случае необходимости я всегда могу прийти раньше или задержаться, сколько нужно.

– Замечательно, Лена, – усмехнулся я.

Девушка протянула мне пластиковую коробку и конверт:

– Здесь ваш сотовый телефон, а в конверте ключи и документы на ваш служебный автомобиль. Джип «блейзер» – во внутреннем дворе. Мне сказали, что водитель вам не нужен?

– Не нужен, – помотал я головой.

– Вот это – ваша кредитная корпоративная карточка «Мастер-кард» для текущих производственных расходов. Здесь распишитесь, пожалуйста, и постарайтесь ее не потерять – она безлимитная. Вроде волшебного слова «сим-сим».

– Сказка! – восхитился я.

– Пропуск с режимом «проход всюду» вам чуть позже принесет директор департамента персонала. Кажется, у меня все...

– Мир сладких грез. Как говорил мой погибший друг – поднимите мне веки...

Я взял в руки папку с ее личным делом, раскрыл обложку, быстро пролистал несколько страниц, закрыл картонные корочки, подержал несколько секунд и бросил на стол.

– А что вы умеете делать?

– Я знаю английский хорошо, по-французски бегло читаю, работаю с компьютером, не очень быстро стенографирую. С осени пойду на курсы бизнеса и менеджмента. Прилично вожу автомобиль...

– Конечно, имеете «черный пояс» карате? – осведомился я вежливо.

– Ну уж нет – увольте! – не принимая моей иронии, ответила Лена. – Я считаю, что вместо этого мордобойного балета дамский браунинг гораздо надежнее.

– Резонно, – согласился я. – В общем, Лена, оказывается, что вы – американская «корпорейт-герл» отечественной сборки. Давно работаете в холдинге?

– Год, – спокойно сказала она, глядя на меня чуть насмешливо большущими синими глазами отвязанной неваляшки.

– Угу, – кивнул я. – Представляю, как долго вы мыкались по улицам Москвы в поисках места. Усталая, иззябшая постучалась в ворота холдинга и робко спросила: вам не нужно для офисных нужд сокровище? А они хором заорали: добро пожаловать!

– Издеваетесь? – усмехнулась Лена. – У нас полгода спецпроверка. Директор персонала – генерал госбезопасности...

– Ну, вас-то полгода не проверяли!

– Почему вы так думаете? – подняла тонкие брови Лена.

– Во-первых, по молодости вы не накопили биографии на полгода проверки. А потом, папа у вас – замминистра топлива и энергетики. Чего там проверять, слепому ясно – очень ценный кадр. Перспективный...

– Вы хотите унижить меня, Сергей Петрович? – лениво спросила Лена.

– Помилуй Бог! – замахал я руками. – Просто у меня никогда не было личного секретаря. Наверное, поэтому я думал, что личных секретарей столоначальники подбирают себе сами...

– У нас это не принято, – покачала головой Лена. – Департамент персонала предлагает кандидатов, а Александр Игнатьевич утверждает. Только он...

– А отказаться можно? – спросил я осторожно.

– Вам? Или мне? Я не поняла...

– Ну вам, например... Или мне, – пожал я плечами.

– Не знаю, у нас так никогда не бывало, – растерялась Лена. – А вы хотите отказаться от меня?

– Что я, с ума сошел? Да никогда!

Александр Серебровский: Виртуалии

Телевизор – машина времени фирмы «Сони» – нас аккуратно нашинковал и разделил пополам. Здесь, по эту сторону экрана, в осязаемой плотности окружающих предметов, в аромате свежесваренного кофе «хейзлнат», чуть слышном сиплом дыхания кондиционера – жили мы. Я и мой помощник Кузнецов.

Мы молчали и слушали, как из вчерашнего Зазеркалья тринитрона, оттуда, из виртуального прошлого говорил я – в ипостаси Александра Игнатьевича Серебровского. Я проповедовал, учил, все объяснял телевизионному ведущему «Итогов» Евгению Киселеву.

Разложенный на телевизионные строки и снова собранный в кадр Серебровский был мне противен. И одновременно я испытывал родительскую гордость за него, за себя. Такой вроде бы неказистый, незамысловатый паренек – а на самом-то деле, оказывается, ого-го-го!

Конечно, постоянное мелькание на телевизоре – занятие одновременно отвратительное и противоестественно-приятное, вроде выдавливания прыщей. Но от этого нельзя и неохота отказываться. Справа за моей спиной вздохнул и пошевелился Кузнецов. В кадре – это было вчера – я отвечал на его сомнения:

– ...Резервы монетаристской политики исчерпаны! Денег попросту больше взять негде – сколько бы мы ни латали тришкин кафтан бюджета. Нужен принципиально другой подход.

– А в чем вы видите другой подход? – спрашивает величавый красавец Киселев.

– В новой налоговой политике как составной части новой финансовой стратегии. У нас ведь самые мудрые в мире налоги – всего сто четыре копейки платежей на каждый заработанный рубль. Это абсурд – с барана российской экономики седьмая шкура уже спущена...

Киселев, пошевеливая английскими усами, спрашивает строго:

– В случае победы на выборах вы намерены оказать давление с регионального уровня на всю федеральную политику?

– Влияние, – усмехаюсь я мягко, но с большим значением. – Не давление, а влияние, назовем это так. И влияние это будет исключительной силы. Я не сомневаюсь, что меня поддержит вся региональная властная и финансовая элита. Все настоящие бизнесмены – не перекупщики и спекулянты, а создатели реальных ценностей. Все те, кому надоело кормить жулье и дармоедов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.